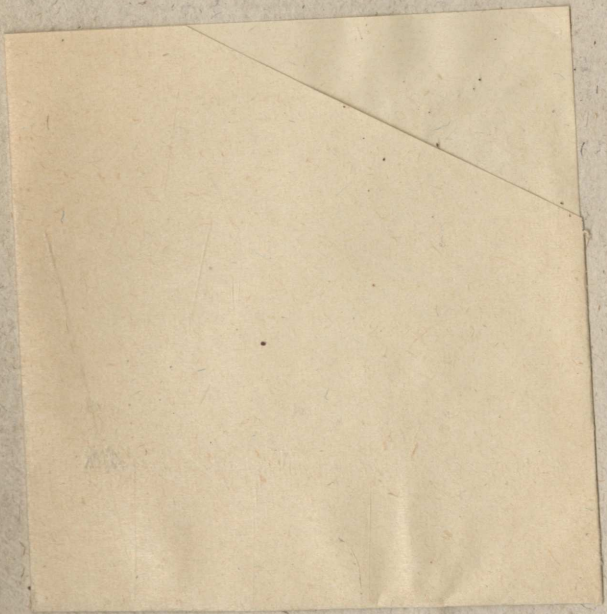
ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 261.
ПОЛКА 6.
№ 44.



Fo 472

АРИСТИДЪ,

ИЛИ

ИСТИННЫЙ ПАТРІОТЪ.

Перевелъ съ Французскаго на
Россійскій языкъ

Николай Загоровской.

Иждивеніемъ Типографической Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Типографіи, И. Лопухина съ указнаго
дозволенія, 1785 года.

ЕГО

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ,

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ

ТАРБЕЕВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

*Желая служить обществу сим*ъ *плод*омъ *моих*ъ *упражнений въ перевод*ѣ, *я вознамѣрился издать его въ свѣт*ъ; *но приписать его никому я столько прилично не могъ, как*ъ *Вашему Превосходительству: во первых*ъ *по тому, что я Вами премного облагодѣтельствованъ; а во вторых*ъ *по тому, что всѣ тѣ добродѣтели, которыя Аристидъ исполнилъ въ самой точности, находятся и въ Вашей благотворительной душѣ. Онъ былъ справедливъ, безпристрастенъ, некорыстолюбивъ, и стараясь ревностно исполнять возложенную на него должность, всегда питалъ въ сердцѣ своемъ любовь къ отечеству и ближнему.*

Ваше Превосходительство! не видны ли слѣды сихъ самыхъ добродѣтелей и во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ? Ревностное отправленіе должности, возложенной на Васъ

Премудрѣйшею въ дѣлахъ МОНАРХИНЕЮ *нашею, не ясно ли доказывать, что Вы, будучи вѣрнымъ сыномъ любезнаго нашего Отечества, стараетесь быть к истиннымъ онаго Патріотомъ.*

И такъ, Милостивый Государь! удостойте благосклоннаго Вашего принятія сію нелестную жертву обязаннаго Вамъ сердца; а я, щитая за щастіе быть въ числѣ Вамъ обязанныхъ, препоручаю себя въ дальнѣйшее Вашего Превосходительства покровительство и пребуду навсегда

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ,

Преданнѣйшій слуга

Николай Загоровской.

АРИСТИДЪ,

ИЛИ

ИСТИННЫЙ ПАТРІОТЪ.

ГЛАВА I.

Когда Аѳины, освободившись отъ своихъ тирановъ чрезъ десятилѣтнее ихъ изгнаніе, старались о благонравіи и исправленіи обычаевъ: то Персы принудили народъ Аѳинской испытать тѣ Философическія наставленія, которыя онъ предуготовлялъ свѣту. Даѳисъ, начальствуя вмѣсто Дарія, опустошалъ Аттику, и подъ видомъ мщенія за уничиженіе Персидскаго имени отъ Аѳинянъ на развалинахъ Сардскихъ помышлялъ о покореніи Греціи. Земля, оставленная и увядшая въ рукахъ дикихъ варваровъ, воспріяла паки свое плодоносіе и прелести тщаніемъ Грековъ. Озлащенныя поля, луга, отзывающіеся ревомъ пасомыхъ стадъ, радость

благоденствующаго народа и плодъ художествъ возбудили ревность въ Сузѣ, и привлекли пять сотъ тысящъ ратниковъ на Марѳонскія долины. Аѳины, не исчисляющія никогда своихъ воиновъ, противу сей страшной силы выставляютъ двенатцать тысящъ мужей, мужество Милтіадово и благоразуміе Аристидово. Сіи два начальника имѣли у себя другихъ восемь сообщниковъ, которымъ вручено было правленіе войска во время сего похода. Честь начальства, а можетъ быть и ревность къ отечеству, начинала разстроивать ихъ и не допускала къ оказанію полезныхъ услугъ оному. Тогда Аристидъ, обратившись къ нимъ, началъ говорить: Аѳиняне! что мы дѣлаемъ? Предадимся опасностямъ къ снисканію себѣ славы, примемъ средства къ успѣху. Кровь воина, проливаемая за государство, не толикожъ ли почтенна, какъ и руки, направляющей его удары? Естьли надобно побѣдить, чтобъ не потерять вольности, то честь должна состоять въ побѣдѣ, усиліяхъ, или кончинѣ. Мы всѣ имѣемъ столько мужества, что можемъ пренебречь смерть; но толиколь мы осторожны, что не подвергнемъ опасности дни наши, когда должно? Помыслимъ,

мыслимъ, что мы не столько должны стараться пріобрѣсть славу республикѣ, сколько научить варваровъ и показать примѣръ собою. Да начальствуетъ надъ нами Мильтіадъ: онъ поступать будетъ по совѣту нашему, равно какъ воинство по его совѣтамъ; явимъ ему послушаніе; гласъ равнаго есть гласъ брата; гласъ братства есть гласъ природы; крайность иудитъ, Аѳиняне! а когда зримъ себя въ крайности, то умѣть повиноваться есть повелѣвать. Воинъ ничего не выигрываетъ перемѣною начальника, но непріятель все выигрываетъ отъ слѣдующей изъ того медленности. Мильтіадъ имѣетъ великія намѣренія; естьли онъ забудетъ себя, мы готовы будемъ при самомъ началѣ остановить его излишество, или злоупотребленіе. Поспѣшимъ, когда боги и щастіе намъ не благопріятствуютъ; можетъ быть нѣкогда, изгнанны будучи за каменистыя горы, или безплодныя пустыни, съ раскаяніемъ жалѣть будемъ о минутахъ, потеряныхъ нами на присвоеніе себѣ славы, которая изчезнетъ мгновенно, ежели не будетъ уступлена. О Аѳиняне! когда непріятельскія стрѣлы должны обагриться нашею кровію, ежели онѣ должен-

ствуютъ лишь оную на нашихъ поляхъ, по крайней мѣрѣ прочіе народы не узрятъ насъ скитающихся по безводнымъ пустынямъ, изгнанныхъ за собственную нашу погрѣшность. Подъ бременемъ узъ убійцъ нашихъ мы не станемъ носить тягостнѣйшаго еще ига раскаянія. Устремимся куда долгъ насъ зоветъ; мы прольемъ человѣческую кровь; но мы не возжигали пламени войны. Когда Греція и Персія потрясутся и сразятся, когда сей раздоръ губитъ владѣнія наши и мятежъ сосѣдовъ, вѣроломный и жадный Персъ будетъ виною сихъ золъ. О когда бы всѣ неминуемыя бѣдствія пали на главу его, оправдали бы Грецію и отмстили!

Толико полезный совѣтъ былъ всѣми принятъ: Милтіадъ принялъ начальство и Персы разбиты. Сей вождь, видя, что остатки Персидскаго войска, взошедъ на корабли въ безпорядкѣ, не пошли къ своимъ брегамъ, опасался, чтобъ они не учинили отчаяннаго покушенія къ овладѣнію Аѳинами, для предупрежденія чего онъ возвратился съ одною частію воинства своего, а другую подъ предводительствомъ Аристида оставилъ на Мараѳонскомъ полѣ для присмотру за плѣнными и охраненія сокровищъ,

сокровищѣ, отнятыхъ у побѣжденныхъ. Сіи времена и сіи мѣста были предшественниками великихъ смятеній; Аристидъ предусмотрѣлъ и предускорилъ оныя соблюденіемъ порядка и собственнымъ примѣромъ. Когда бы я повелѣвалъ варварами, сказалъ онъ своимъ, я бы столько же страшился минуты побѣды въ разсужденіи добродѣтели, какъ и минуты сраженія въ разсужденіи мужества: оно звѣрскому нраву служитъ ѳеатромъ звѣрства и сребролюбія, но мы, мы старались токмо защищать себя. Нещастіе раждаетъ въ насъ священное соболѣзнованіе даже и о нашихъ ушѣснителяхъ; на что намъ презирать ихъ, когда они не могутъ намъ вредить ни мало? Милосердіе есть чувствованіе, болѣе всего приличное природѣ; наши враги въ узахъ нашихъ представляютъ намъ въ себѣ боговъ; а мы за честь себѣ должны поставить быть ихъ слугами. Мы ихъ ограбили; сего требуетъ право войны; право ужасное! оно было бы толикожъ подло, какъ и неправедно, естьли бы безъ него возможно было обойтися въ удержаніи ихъ. Аѳины стонутъ отъ того, что не могли сохранить порядка, не приводя въ стыдъ природы. Покажемъ,

жемъ, что мы достойные Аѳинскіе сограждане. Вмѣсто положенія нашего отечества на вѣки съ частною корыстію, вмѣсто смятенія и изыскиванія средствъ къ обогащенію себя, вмѣсто перемѣны дружества на умыслы, и ненависти на мятежи, для полученія къ тому средствъ возведемъ руки наши на небо, и принесемъ благодареніе богамъ, подражая имъ въ благости и презрѣніи корысти. Добыча непріятельская есть священной залогъ, станъ священилище. Воины! тѣла изъязвленныя за отечество, унизятся ли столько, чтобъ осквернить себя хищеніемъ плачевныхъ добычъ враговъ побѣжденныхъ, или снизшедшихъ во гробъ? Не отъ Аѳинъ должно опасаться такой подлости; для нихъ мало и помыслить о такомъ преступленіи. Мы не положимъ цѣны нашей честности, и еще имѣмъ вящше, чтобъ кончили день спасенія общественнаго торговлею вѣрности, въ сохраненіи которой мы клялись. Да весь міръ внемлетъ мнѣ и да познаетъ Персъ, каковы его враги. Солнце съ раскаяніемъ бы обращало сіяніе лучей своихъ на стѣны наши, естьли бы онѣ содержали въ себѣ бичь людей, заключенныхъ въ темницахъ нашихъ. Польза

и

и страхъ связали ихъ взаимно въ Сузѣ; пустимъ ихъ, да возвѣстятъ они намъ, что единая добродѣтель прилѣпляетъ насъ къ Аѳинамъ.

Каллій жрецъ одинъ былъ изъ всего стана, котораго сіи слова не принудили показать человѣчество. Персіянинъ плѣнный, взирая на длинные его волосы и перевязанное чело, почелъ его Царемъ, повергся предъ нимъ, просилъ о спасеніи себя и въ награжденіе за то показалъ и далъ въ даръ нѣкоторое количество злата, которое онъ до сего скрывалъ. Но онъ былъ столь жестокосердеченъ, что принявши одною рукою золото, убилъ безъ жалости другою сего несчастнаго, который его обогатилъ.

Ужасъ такого злодѣйства не могъ скрыться отъ проворнаго вниманія Аристидова. Что ты сдѣлалъ нещастный? вскричалъ сей начальникъ. Аѳинянинъ! Жрецъ! вѣсишь жизнь человѣческую съ золотомъ! —— О безсмертные боги! не уже ли сіе наказаніе святыни, что онъ не могъ остаться подлецомъ, не ставъ убійцею? Тысяци народа, пришадшего сюда изъ Сузы для угнѣтенія насъ, не навлекаютъ большаго поношенія на Дарієвъ шромъ, сколько Цереринъ жрецъ убій-

ца

ца на Аѳины. Ты Дадухъ (*), посвященный таинствамъ, ты видѣлъ наши соглашенія и законы между судилищемъ и олтаремъ подъ покровомъ божества; ты знаешь, что всѣ оные служатъ къ человѣческому блаженству, и пресѣкаешь дни безсильнаго, помощи въ тебѣ ищущаго! Санъ твой хочетъ разширить власть свою и надъ нашими помышленіями, и ты даже затмѣваешь величество боговъ! Или для раздраженія небесъ избралъ ты священную должность умилостивленія ихъ? Они насъ покрываютъ, а ты ихъ раздражаешь; мы обременяемъ себя славою, а ты подавляешь насъ стыдомъ. О Каллій! какой день ты помрачаешь? О естьли бы еще кровь твоя могла омыть твое злодѣяніе! Но боги гнушаются платежемъ крови человѣческой. Слезы, извлекаемыя мечемъ, суть слезы подлаго сердца; какая нужда небесамъ въ смерти законопреступника? Такъ! ты живи и внимай гласу стра-

(*) Жрецъ Цереринъ, коего должность была, или состояла въ ношеніи свѣтильника при жертвоприношеніяхъ и отправленіи таинствъ сего божества.

страшному жертвы твоей; да раздраженная тѣнь ея стремится неотступно въ слѣдъ тебѣ; да возбудитъ она въ душѣ твоей свистъ змѣевъ; да колеблетъ ее, объемля мракомъ, жалостной вопль оной! Но что. . . . Праведное негодованіе послѣдовало за ревностію Аристида; презрѣніе, глубокимъ молчаніемъ изъявляемое, заступило мѣсто выраженій, какъ великій жрецъ прервалъ оное напоминовеніемъ независимости священства и непринадлежимости судій. Въ сіе-то время защитилъ Аристидъ законы отъ злоупотребленія и Сенатъ отъ несправедливыхъ требованій со стороны жрецовъ. Кто ты таковъ, сказалъ онъ великому оному жрецу, что ты поставляешь себя выше законовъ? Ты приносишь наши обѣты Церерѣ; но Церера освобождаетъ ли тебя отъ предписаній, данныхъ ею смертнымъ? Мы возвели тебя къ святилищу; олтарь, на которомъ приносишь жертвы, воздвигнутъ отцами нашими; злато наше удерживаетъ его великолѣпіе; мы тебя питаемъ; и такъ земля, въ которой ты рожденъ, которою ты принятъ, а не отверженъ, которая тебѣ покровительствуетъ, не имѣетъ никакого права надъ твоими дѣлами? Долженъ

ли ты наконецъ начальствовать надъ нею, или ей повиноваться? Знай, что есть-ли небо есть начало законовъ, то оно не изключаетъ ни единаго изъ смертныхъ отъ того, что оными предписывается. Воззри на сихъ людей! (выговоря сіе, онъ обратился къ воинамъ) довольствуясь хлѣбомъ и водою, за что платятъ потомъ и кровію, они отдаютъ долгъ отечеству, попираютъ кучи труповъ, шествуя между отцами и дѣтьми умирающими; а ты, покоясь подъ шатромъ, питаясь роскошью, не снося трудовъ и бѣдъ, ты и твои не долженствуете отвѣтствовать за злодѣйство? Слушай! естьли бы ты имѣлъ изключительное право судить жрецовъ, намъ ничего не осталося бы почти, какъ умѣть кончить жизнь, или обезславить природу. Вспомни, за что изгнаны изъ Аѳинъ ложныя божества? Они и по сіе бы время имѣли въ нихъ себѣ жертвенники, когда бы жертвователи ихъ не поставляли себя средоточіемъ всего. Власть ихъ служителей предзнаменовала ихъ паденіе; сіи были презираемы, когда тѣ казалось внушали почтеніе народамъ; ваше имѣніе, ваша жизнь все намъ принадлежитъ: терпите и умирайте. Не употребляй

ляй себя на зло. Ты обязанъ моленіемъ и вѣрностію платить то, что мы подвигами. Ты всѣхъ смертныхъ недостойнѣйшій, естьли престанешь быть каналомъ, чрезъ который небо изливаетъ на насъ свои благодѣянія; ты обязанъ утѣшеніемъ невинному и помощію неимущему. Состояніе твое, которое требуетъ просвѣщенія, требуетъ онаго для наставленія, и оно дозволяетъ тебѣ имѣть и лишнее, только для облегченія тягостнаго жребія другихъ. Оно свято, нѣтъ въ томъ ни малаго сомнѣнія; но не тогда, когда мы отступаемъ отъ отечества. Продаяніе златыхъ сосудовъ, ограбленіе храма на поддержаніе необходимо нужной войны, или на облегченіе рушительнаго бѣдствія, суть слабое заглажденіе золъ, причиненныхъ человѣчеству, да и не стоятъ ни единой слезы; лучше оныя употребить на нужды, нежели приказывать продажу хижины нищаго, плуга земледѣльцева и пшена, питающаго дѣтей его. Будь искренъ жертвоприноситель и согласись, что самые боги, которыхъ ты служитель, вложили тебѣ въ сердце сіи истины; не препятствуй здѣсь вѣщать совѣсти твоей; она обвинила тебя въ ту минуту, когда

говорилъ мы о своей независимости. Гдѣ бы мы тогда были, естьли бы мы толико были подлы, что помогли бы тебѣ въ утушеніи твоихъ угрызѣній, или защищеніи твоихъ предразсужденій? Во что превратились Аѳины, когда проявился сей родъ людей, которые подъ видомъ мщенія за законъ самымъ дѣломъ измѣняли правосудію? Вамъ то извѣстно, о граждане! Ваши отцы показали вамъ, что сіи священнослужители жили обвиненіемъ и отправляли торгъ клеветою. За преступленіе почиталось напоминать о правахъ человѣчества, сожалѣть о бѣдныхъ, которыхъ они мучили, и призывать священное имя законовъ. Дѣйствія, слова, самое молчаніе, толкуемы, обвиняемы и наказуемы бывали. О тѣни смертныя нашихъ предковъ! коликое число васъ принесено въ жертву симъ злоупотребленіямъ! Я трепещу отъ священнаго ужаса, когда размышляю, что и самой стонъ заглушенъ для содѣланія васъ преступниками. Мы никогда не отчаемся въ спасеніи чести Аѳинянъ, какъ долго не угаснетъ законъ въ нашихъ стѣнахъ какъ долго добродѣтель обрѣтетъ себѣ убѣжище въ сердцахъ нашихъ, но естьли смѣха достойныя

требо-

требованія сихъ жертвоприносителей; есть-ли ихъ усилія къ опроверженію святости законовъ; есть-ли люди, которыхъ священныя ихъ должности возвышаютъ, и которыхъ за то мы принуждены почитать, снимутъ послѣднюю узду, которая можетъ ихъ содержать въ предѣлахъ. —— О боги! предохраните Аѳины отъ сего бѣдствія, и да санъ приближающихся къ олтарямъ вашимъ пребудетъ навсегда священнымъ залогомъ правосудія и ихъ покорности! Ступай жрецъ Цереры; вмѣсто настоянія въ своемъ нелѣпомъ и злодѣйскомъ правѣ, вмѣсто желанія прикрыть убійство тѣнію святыни, которую оно обезславило, иди, объяви своимъ, что ничего нѣтъ священнѣе государственной власти, и ничего нѣтъ презрительнѣе жреца, возмутителя противъ законовъ. Каллій да будетъ сражаемъ негодованіемъ неба и земли: не довольно ли, что сей змій не заразилъ ядомъ славы и радости народа неукоризненнаго и не употребляя усилія къ содѣланію яда своего заразительнымъ? Ты обязанъ показать примѣръ симъ побѣжденнымъ, которые на тебя взираютъ, и которыхъ ты ненавистнымъ требованіемъ своимъ соблазнилъ; избирай

лучшее, наставъ ихъ, свидѣтельствуйся небомъ, которое одарило тебя разсудкомъ, что Боги единственно желаютъ того, что повелѣваетъ природа, и что законы сея суть сокращеніе ихъ воли. Отнесши въ отечество свое воспоминаніе и ужасъ корыстолюбіемъ причиненнаго губительства, да идутъ они и начертятъ на своихъ храмахъ, что единый изъ жрецовъ нашихъ сдѣлался убійцею, но что излилъ ядъ свой въ одинъ сосудъ, и что источники священства, коего спасительныя воды должны утолять жажду человѣковъ, не заражены имъ.

Начальники Аѳинянъ! прибавилъ Аристидъ къ своимъ товарищамъ: преступленіе единаго, а особливо Дадуха, можетъ превратиться въ знаменіе бѣдствій цѣлаго народа. Кто бы ни былъ преступникъ, употребите всю силу власти вашей къ остановленію зла; небо вамъ предписало сей законъ, и вы дадите отчетъ людямъ въ слѣдствіяхъ онаго. Долгъ нашъ и ревность наша должны равны быть силѣ и знатности преступника. . . . . Для чего же ты не наказываешь Каллія? прервалъ нѣкоторой начальникъ воинства. — Я не наказываю его? изберн

жесто-

жесточайшую казнь презрѣнія людскаго и острыя совѣсти, и я немедленно предамъ его. Естьли хранилище, въ которомъ мы слагаемъ всѣ наши дѣла, ужасно для всѣхъ: то что оно должно быть для служителя олтарей? Что твои костры предъ огнемъ разгнѣванной совѣсти? Рана, причиняемая негодованіемъ и презрѣніемъ добродѣтельнаго человѣка, въ тысячу кратъ ужаснѣе, нежели мечь, смерть несущій. Какое позорище! Дадухъ убійца живъ еще въ поношеніе государству, и коего дни служатъ заглажденіемъ, которое приноситъ честь богамъ, и примѣромъ полезнымъ для людей! Колико бы подло ни было сердце, хотя онъ оживленъ скверною душею; но гнѣвъ боговъ и отвращеніе отъ него земли есть ужасное состояніе.

Такая рѣчь изъ устъ человѣка, котораго правосудіе заслужило отъ цѣлыхъ Аѳинъ хвалу, опредѣленную древнему Амфираю, возбуждаетъ удивленіе въ побѣжденныхъ, и глубокое молчаніе знаменуетъ почтеніе и одобреніе побѣдителей. Персы забыли свои узы, а Аѳиняне побѣду. Аристидъ, казалось, произнесъ сіи слова для заглажденія стыда однихъ, и для умѣренія радости другихъ. О великой

человѣкъ! вскричалъ внезапно старецъ, покрытый сѣдинами и оружіемъ, служившій у Персовъ: по что всѣ Государи не имѣютъ твоихъ добродѣтелей? Мы не обнажили бы своего безславія предъ отмщеннымъ Нептуномъ; и конечно Немезисъ не преслѣдовала бы насъ моремъ и сушею, естьли бы Дарій имѣлъ тѣ самыя добродѣтели, какія ты показалъ. Я его почитаю, онъ мой Государь, а доказательство любви моей къ нему есть пятидесятилѣтняя неукоризненная служба моя; но естьли изощренныя нашими руками и противъ Греціи направленныя нами въ бѣшенствѣ стрѣлы обращенны на главу нашу, то видно небо играетъ ужаснымъ исходомъ нашея неправды; превратность нашего щастія равняется нашимъ злодѣйствамъ. Естьли боги мещутъ когда Перуны на смертныхъ, то сіе должно быть во время неправедныхъ раздоровъ между имперіями. Для чего тебя Дарій не слушалъ, Аристидъ? Онъ никогда бы не помыслилъ о безумныхъ завоеваніяхъ, и вмѣсто, чтобы отправлять насъ на разореніе нашихъ сосѣдовъ, на покореніе оныхъ и пропитаніе себя, по крайности онъ содержалъ бы насъ на томъ иждивеніи, которое употребляетъ

онъ

онъ къ воздвиженію храма Богу, ни мало имъ нечтимому.

Другъ мой! сказалъ Аристидъ Клисѳену, слышалъ ли ты сего старца? Онъ завидуетъ нашему просвѣщенію и даетъ намъ наставленіе. Дѣйствительно, Дарій, прельщенный Іудеяниномъ Зоровавелемъ, весьма истощилъ свои сокровища на созиданіе храма; и я не знаю для чего. Но сіе еще не есть причина, побуждающая привести подданныхъ своихъ въ убожество и обогатишь его. Естьли Егова есть Богъ людей, то Онъ все имъ даруетъ и безъ сомнѣнія можетъ пробыть безъ ихъ даровъ. А служеніе Ему? говоритъ Клисѳенъ. . . Почитаніе, пристойное Его величеству, должно быть въ нашемъ сердцѣ, отвѣтствовалъ праведный; наши приношенія и наши жертвы служатъ токмо тому свидѣтельствомъ. Естьли послѣднія должны равняться желанію и усердію непорочной души, то кто бы осмѣлился принести Ему жертву? А естьли бы кто и былъ въ состояніи, то уже давнобъ въ мірѣ ничего не осталось приносить. —— Какимъ образомъ? говоритъ Клисѳенъ: ты порочишь храмы, олтари и жертвы! —— Боги меня да сохранятъ! но я говорю, что

хижина, поставленная во славу ихъ людьми, которые не могутъ лучшей выстроить, или которые предохраняютъ свое имѣніе для несчастныхъ, или для надобностей государственныхъ, дѣлаютъ имъ большую честь, нежели все вообще земное великолѣпіе. Какая нужда въ томъ Церерѣ, воскъ ли, или животное какое, колосъ, или макъ ей приносится въ жертву? Другъ мой! продолжалъ Аристидъ: не видишь ли ты, что участники ревностнѣйшіе великолѣпныхъ приношеній суть точно тѣ, которые отъ нихъ получаютъ пользу? Довѣренность чести, богатства, коихъ религія есть хранилище, все для служителей ея. Пущай жрецъ вѣщаетъ аллегоріи, эмблеммы, сомнительныя проницанія, онъ внушитъ почтеніе, подумаютъ всѣ, что онъ наученъ небомъ, въ состояніи будучи читать на немъ предопредѣленіе земли, и показывать себя дерзостно оружіемъ божества, сдѣлаемъ ненавистнымъ всякаго, кто ему не понравится, и не страшась наказанія, дерзнемъ возставать противъ правленія и Сената и противъ самихъ Государей. Но вѣщай полезныя истинны, и слѣдственно признанныя богами: когда онѣ противны

пред-

предразсужденіямъ, ты ничего не встрѣтишь, кромѣ оковъ и казней; а естьли тебѣ одно изгнаніе, можешь итти, и въ ономъ предашься стону не жалуясь. . . . Подлое неудовольствіе никогда не помрачало моего сердца, потому что я возсталъ съ пламенемъ противъ убійцы жреца; мой гнѣвъ тѣмъ паче не подозрителенъ, что сіе чудовище соединенъ со мною кровію родства: слава моя и честь принуждаютъ меня забыть оное. Для исправленія нѣкоторыхъ злоупотребленій я не хочу, Клисѳенъ, наступать на истинну рушительнымъ средствомъ; я служу богамъ, почитаю жрецовъ; и главнѣйшее доказательство, какое я могу имъ дать моей любви и почтенія, есть желаніе мое истребить суевѣріе и фанатизмъ, ихъ раздирающій. Кто желаетъ почитать боговъ, отъ того требую почтенія безъ ложнаго иройства, правилъ безъ предразсужденія, а особливо добродѣтели безъ лицемѣрія. Симъ образомъ кончился день Маравонской побѣды, а утромъ Аристидъ возвратился въ Аѳины.

ГЛАВА II.

По провожденіи знаменитаго дня по причинѣ одержанной побѣды на Марѳонскомъ сраженіи, Аѳины спѣшили поставить Аристида главою Сената. Граждане думали, что они должны какъ по справедливости, такъ и ради пользы своей поставить его главою въ святилищѣ правосудія. Достоинство Архонта было не славное титло, вымышленное суетою къ возвышенію ничтожества; но титло человѣка, любящаго правосудіе и знающаго единую истинну. Аристидъ сіе исполнилъ. Во все теченіе правленія своего велъ онъ гражданина на путь блаженства, такъ какъ и воина привелъ въ необходимость быть мужественнымъ на сраженіи, и презирать корысть въ побѣдѣ.

Люди суть таковы, каковыми ихъ учинить желаютъ, говорилъ онъ нѣкогда другу своему Клисѳену. Способъ, которымъ управляютъ ими, располагаетъ и прилѣпляетъ ихъ къ добру, или злу. Число недовольныхъ, когда люди надлежащимъ образомъ бываютъ управляемы, есть такъ не велико, что естьли число несчастныхъ вѣситъ въ государствѣ столько, что

что сіе не клонится къ благоденствію: то безъ сомнѣнія республика, или Царь виновенъ, или правленіе порочно. Послѣднее долженствуетъ пещись въ своихъ дѣлахъ единственно о народномъ благосостояніи. По провидѣніи боговъ законъ, утверждающій имперіи, составляетъ оныхъ блаженство.

Но развѣ есть порочныя правленія? прервалъ Клисѳенъ. Другъ мой! отвѣчалъ Аристидъ, что подумаешь ты о нихъ, когда увидишь, что они соединяютъ всѣ свои силы къ истребленію другъ друга и удаляются такъ далеко отъ природы, которую единственно они должны приводить въ совершенство? . . . Они получаютъ отъ того выгоды, прибавилъ Клисѳенъ. . . . Другъ мой! я думаю, что есть нѣчто болѣе выгоды. Естьли бы одно правило было надъ всѣми сообществами, естьли бы оно управляло путемъ ихъ, что могла бы корысть противъ бодрствованія и силы? Общій порядокъ и частный былъ бы оныхъ предметомъ и концемъ, и не только сей конецъ не полагался бы въ обогащеніи тѣхъ и другихъ, но онъ бы былъ только линіею государствъ, оборонительною и наступательною противъ врожденнаго и общаго порока, которой бес-

пре-

престанно готовитъ имъ паденіе. Пускай какъ кто хочетъ умствуетъ въ политикѣ о различіи и неустройствѣ имперіи; пускай представляетъ ихъ себѣ составленными на подобіе твореній природы; пускай приписываетъ симъ умовоображаемымъ тѣламъ жизнь, способность и силы, сходственныя съ тѣми, коими одарены тѣлесныя существа; пускай предположитъ въ нихъ тужде дѣйствительность и такое же право сохранять себя: со всѣмъ тѣмъ никогда не оправдятся средства, употребляемыя къ удержанію оныхъ въ своихъ правахъ, къ славѣ и предохраненію тѣлъ человѣческихъ. Народъ можетъ избрать себѣ правителя, но по какому праву сей народъ можетъ угнѣтать прочіе народы, не имѣющіе другаго ига къ ношенію, кромѣ ига работы? Народы, которыхъ человѣчество связываетъ, которыхъ природа дѣлаетъ почтенными, и коихъ воля удаляетъ еще болѣе, нежели нравы, земля и моря; народы наконецъ, которые не хотятъ ни завоеваній, ниже зависимости. И такъ довольно ли одной зависти къ тому, чтобъ имѣть право худо поступать съ отцами и покорять дѣтей? Сей законъ сильнѣйшаго есть самое слабое право, какое токмо

мо могла родить испорченная природа. Должно быть или разбойнику, или глупцу, дѣлать все, когда въ состояніи все сдѣлать. Я понимаю, что можно быть ушѣсненнымъ, но чтобъ люди унизили себя до того, чтобъ они трепетали даже предъ человѣкомъ и при звукѣ узъ забывали священное имя вольности: то знай, Клисѳенъ, что Аѳинянинъ о томъ не помышляетъ, не явя презрѣнія къ невольникамъ, и вѣчной ненависти къ тиранамъ.

Но почитать такимъ образомъ корону не значитъ ли помрачать сіяніе оной? спросилъ Клисѳенъ. Царь царствуетъ надъ вольнымъ народомъ, отвѣтствовалъ Аристидъ: это есть законъ, приличный трону, когда по оному повелѣваютъ и подданный повинуется, а не ползаетъ. Неограниченный владѣтель, касающійся скипетру, есть пастухъ, который поднимаетъ посохъ. . . . . Государь не можетъ ли во зло употребить свою власть? Что же тогда дѣлать? . . . . Покориться и лить слезы; слезы тогда сдѣлаются свидѣтельствомъ и всегдашними упреками на его забвеніе. Каковъ бы подданный ни былъ, онъ всегда есть только тѣнь могущества. Когда уже учинена присяга и

дана

дана вѣрность, къ какой бы ты степени ни приближился къ трону, прикосновеніе къ оному есть осквернѣніе. Возмутитель есть вѣроломецъ, стыдъ Государя и ужасъ государства. Отраженный лучь высочайшей власти долженствуетъ устрашить сердце и вкоренить въ него долгъ. Болѣе скажу еще, естьли бы я жилъ подъ правленіемъ Государя, хотя и такого, который бы достоинъ былъ моего презрѣнія, однакожъ я его признавалъ бы; и хотя бы послѣ мнѣ слѣдовало принести себя на жертву, естьли бы силы мои дозволили, произилъ бы всякаго, кто бы ни обагрился его кровію. Нѣтъ ничего священнѣе Государя, ничего нѣтъ мерзостнѣе бунтовщика.

Такимъ образомъ, говоритъ Клисеенъ, Самодержецъ можетъ быть осудителенъ, не бывъ никогда осужденъ? Другъ мой! надъ ними есть судія. . . . . — Кто такой? — Законъ. . . . . — Преизрядно; но кто исполнитъ его приговоръ и опредѣленіе? . . . . . Которые опредѣлены были внести условія въ договоры. . . . . И это изрядно; но есть государства, которыя, учинивъ обязательства предъ олтаремъ, ввѣрили оныя Государю.

рю. . . . . Можетъ быть у нихъ-то они ни малѣйше не повреждены. . . . . Да для чего? Для того что польза Государя требуетъ не употреблять ихъ во зло. Сверьхъ того боги. . . . . Государи также подлежатъ власти и имѣютъ совѣсть. . . . . .

Такъ; но естьли сіи причины предупреждаютъ и избавляютъ отъ деспотизма и тиранства, то по крайней мѣрѣ они весьма слабы къ завоеваніямъ. Государь любимый и республика также съ мужественными гражданами весьма сильны. Любовь, соединяющая ихъ, и желаніе себя возвысить весьма бѣдственны для народовъ, коимъ они завидуютъ. . . . . Это не есть причина налагать свои законы на людей, имѣющихъ собственные. Клисѳенъ! кто можетъ побѣждать, тотъ еще не имѣетъ права на завоеванія. Беспредѣльная власть была бы обидою цѣлому свѣту. Добродѣтель, правосудіе, любовь: вотъ все, и сего довольно для республики и Государя; живое и дѣйствительное правило къ достиженію блаженства возбуждаетъ безъ насилія и сохраняетъ не разлучая.

Сіе значитъ вступать въ тяжбу со многими правительствами. . . . . Ты обманы-

обманываешься, другъ мой; сіе значитъ внушить всѣмъ, что должно придержаться своего права и оправдать свое происхожденіе стараніемъ о благосостояніи подданныхъ. Коликое число нещастныхъ отъ Цекропса до Кодра! Сколько слезъ пролито со временъ Медона до Алкмеона за пренебреженіе того, или другаго! Скипетръ былъ бы еще въ Аѳинахъ, естьли бы носившіе оной соединили нашихъ отцевъ любовію и благодѣяніями; естьли бы, пребывъ вѣрными честности, человѣчеству и вѣрности своей, они только старались управлять. Цари, другъ мой, имѣютъ полную власть къ устрашенію подданныхъ; но привлечь ихъ къ себѣ они ничѣмъ не могутъ, какъ только единою любовію. Сіе такая истинна, которая бы должна быть начертанна на всѣхъ тронахъ и во всѣхъ судилищахъ. Отъ оной зависитъ блаженство міра. Представь себѣ, Клисѳенъ, міръ, раздѣленный на три совершенно равныя части: три правыя ноги равно стоящія на Ипотенузѣ, и три правыя руки держащія скипетръ міра. . . . . Ну, изрядно! . . . . . Блаженство смертныхъ, обитающихъ на немъ, зависитъ отъ равновѣсія. Какъ скоро увидишь слезу,

зу, будь увѣренъ, что одна нога утѣсняетъ остальныя; что одна рука, или двѣ уступили, и что скипиръ наклоняется. Вотъ изображеніе всѣхъ правительствъ! Слезы, проливаемыя отъ нихъ, подроютъ рано, или поздно основаніе и причинятъ паденіе скипиру, или возстанутъ на руку, управляющую имъ. Когда предположишь одну, двѣ, или три, онѣ подтвердятъ правило безъ выключенія.

Примѣръ твой доказываетъ твое свойство, прибавилъ Клисѳенъ; три руки держатъ крѣпче скипиръ и три ноги твердѣйшее основаніе. . . . . Другъ мой! говоритъ Аристидъ, я Аѳинянинъ; но когда исчисляю осьмнацать Государей въ Аѳинахъ, а только тринацать Архонтовъ безсмѣнныхъ, и притомъ разсуждаю, что отъ одного градуса менѣе, или болѣе тяжести, или силъ, потерялося бы равновѣсіе у трехъ, какъ у одного: то мнѣ не остается болѣе ничего сказать, и я совѣтую одному такъ, какъ и тремъ, слѣдовать правилу къ содѣланію себя безсмертными. . . . . Весьма трудно. . . . . Менѣе можетъ быть, нежели сколько ты воображаешь. Когда что узаконяется, должно исчислить тѣ выгоды, которыя сіе

Публичная Библиотека в Ленинграде

узаконеніе принесетъ вмѣстѣ съ злоупотребленіями, могущими произойти отъ него, и менѣе стараться узнать первыя, какъ и о томъ, чтобъ не обмануться на другихъ. Есть нѣкоторыя трудности, которыя могутъ задержать дѣйствіе онаго, равно какъ и средства, помощію коихъ можно избѣжать обмана; должно стараться предусмотрѣть оныя и предупредить. Оно имѣетъ нѣкоторыя сношенія съ нравами и предразсужденіями; должно ихъ свѣсить и уважить, все же сіе не невозможно. Когда все усматривается въ гражданинѣ, то всегда есть предѣлъ, на которомъ благо весьма немного смѣшивается со зломъ.

На примѣръ: дѣло идетъ о налогахъ для нашего защищенія и нашихъ надобностей: Сенатъ на меня возложилъ оное; думаешь ли ты, что я буду цѣнить головы, и налагать печать рабства на чело Грековъ? Или наложу оной безъ разбору на владѣнія? Нѣтъ, нѣтъ; естьли никогда не позволено было никакому человѣку, хотя бы онъ носилъ на главѣ вѣнецъ, унижать себѣ подобнаго даже до рабства; ни человѣкъ, ни земля не суть собственность правленія. Впрочемъ способности

собности человѣчества, полезныя и трудолюбныя, перемѣняются по мѣсту и времени, и мнѣ весьма извѣстны ихъ перемѣны во всемъ, что зависитъ отъ природы и щастія, и онѣ великую силу имѣютъ на тѣхъ, которые бываютъ имъ подвержены такъ, что трудно ихъ различить и предупредить столько, сколько я могу. Чувствительная разность находится между земледѣліемъ и самою землею двухъ сосѣдственныхъ деревень; какая же должна быть между Віотіею и Фокидою, Доридою и Мегарою? Земледѣлецъ долженъ гораздо большія издержки дѣлать въ однихъ, нежели въ другихъ изъ сихъ провинцій: когда земля требуетъ большаго утучненія, она требуетъ большаго тогда числа орудій, скота и рукъ, а все сіе стоитъ издержекъ; но естьли бы онъ былъ до половины раззоренъ налогами, какъ бы могъ справиться чрезъ жатву? Плодоносіе земли всегда бываетъ соразмѣрно работѣ хлѣбопашца. Есть такія мѣста, гдѣ она требуетъ только сѣмени для произведенія, и гдѣ владѣлецъ раззоренный могъ бы притти въ прежнее состояніе не въ продолжительное время; въ другихъ же мѣстахъ онъ не могъ бы

исправиться въ теченіе полувѣка. И первыхъ-то должно призывать на помощь къ другимъ, такъ какъ они всѣ призываются на помощь отечеству.

Конечно, прервалъ Клисѳенъ; но тѣ, кои заплатятъ болѣе, не употребляютъ ли большаго себѣ уваженія и преимуществъ? . . . . . Преимуществъ? Бѣдные Аѳиняне, естьли они отдадутъ преимущество другому чему, кромѣ добродѣтели! Тотъ, которой даетъ одно, будучи не въ силахъ болѣе дать, не толико ли же старается, какъ и тотъ, который даетъ сто? Что касается до меня, я почитаю его болѣе; онъ отдаетъ почти и необходимое себѣ, между тѣмъ, какъ другой еще не истощаетъ своего и излишняго. Пожалѣемъ о немъ, другъ мой, что онъ не можетъ больше сдѣлать. Такой, вздыхая о своемъ отечествѣ, употребляетъ свои труды и свое мужество на вспоможеніе ему въ самое то время, когда богачь не съ инымъ ему намѣреніемъ служитъ, какъ для пріобрѣтенія права пожрать оное. Клисѳенъ! я никогда не забуду того Леонтійскаго старца, который сыну своему велѣлъ сковать копье изъ своей сѣкиры; и не безъ умиленія напоминаю себѣ сего юношу,

юношу, который, и не получивши ничего въ наслѣдство, кромѣ рукъ, и желая изъявить радость побѣдоносному своему отечеству, предложилъ оныя къ услугамъ на три дни на публичной площади для первой вдовицы, которой супругъ лишился ихъ на Марафонскомъ сраженіи. Я Архонтъ, должность моя зоветъ меня въ села для окладнаго сбору, и я увижу весьма многія доказательства какъ того, такъ и другаго. Кажется мнѣ, что я уже слышу ропотъ дворянъ и жрецовъ, изрыгаемый противъ моихъ дѣяній; но я не имѣлъ желанія быть возведенъ въ сіе достоинство; такъ будь увѣренъ, что мои дѣйствія не будутъ мнѣ стоить грызѣнія совѣсти. Благо государственное есть общее сокровище; каждой изъ гражданъ долженствуетъ вносить въ оное свои услуги и дарованія: имена, титла не перемѣняютъ ни людей, ни владѣнія. Цѣна сборовъ ничего не имѣетъ общаго съ чинами, ниже налоги съ состояніемъ; они касаются токмо до богатства, а богатство хранится въ Аѳинахъ, когда оное необходимо къ защищенію. Изъятія должны имѣть мѣсто въ необходимостяхъ и ревности. Я не знаю ничего такъ нелѣпаго,

паго, какъ изключать отъ тягостей сына за отцовскія услуги, или жреца, потому что его должность состоитъ въ призываніи боговъ на помощь отечеству.

И такъ ты наложишь подати на земли токмо? спросилъ Клисѳенъ. Другъ мой! хочешь ли ты, чтобъ Аристидъ сдѣлался жестокимъ? Для сбереженія нашихъ владѣній долженъ ли я землю лишить рукъ, въ которыхъ она имѣетъ нужду? Налогъ на самонужнѣйшія вещи есть тиранство. *Перепродавать государству земные плоды значитъ исторгать у него оные; лишить его средствъ, нужныхъ къ сохраненію себя, есть возстать противъ его бытія.* Человѣкъ имѣлъ право содержать себя до законовъ; онъ не можетъ лишенъ быть онаго введеніемъ ихъ. Обратись къ Персамъ: естьли Дарій не престанетъ истощать у нихъ пропитанія, то вскорѣ его области останутся безъ силы, такъ какъ подданные его безъ хлѣба. Изъ людей убогихъ сдѣлаетъ онъ нищихъ; изъ трудолюбивыхъ сдѣлаетъ онъ тунеядцевъ; изъ несчастныхъ подданныхъ сдѣлаетъ онъ убійцъ, которыхъ доведетъ бѣдами до погибели.

Будемъ

Будемъ человѣколюбивѣе; поступая согласнѣе съ природою, поступимъ согласно съ благоразуміемъ и блаженствомъ. Будемъ разсудительнѣе, естьли такъ должно, чтобы сдѣлаться мужественнѣе. Государство никогда такъ не страшно, какъ когда гражданинъ доволенъ. Употребимъ на оборону Аѳинъ руки, которыя надлежало употребить на мученіе гражданина; умножимъ ихъ на земледѣліе и художества, вмѣсто чтобъ посылать оныя на причиненіе обидъ въ лавкахъ, на торжищѣ и въ житницахъ и проч. Налогъ есть жертвованіе нѣкоторою частію для сохраненія другой; и естьли оной есть ежегодное иждивеніе, то онъ можетъ основанъ быть токмо на ежегодномъ доходѣ; онъ единъ можетъ искупить другую часть: земля одна даетъ сей доходъ, и такъ на нее одну должно налагать сборы. Награждая съ избыткомъ труды, на нее употребленные, кажется она говоритъ государствамъ: *Сіе благодѣяніе послужитъ вамъ на нужды.*

Но во время войны потребны большія издержки, нежели во время мира, говоритъ Клисѳенъ: какъ можно помочь неперемѣнымъ сборомъ? . . . . Онъ перемѣнять-

ся будетъ по нуждамъ, отвѣтствовалъ Аристидъ: мѣры къ приведенію себя въ безопасность отъ обиды должны различествовать отъ тѣхъ, которыя должно употреблять къ отраженію оныхъ. Всякое государство, которое бы запретило необыкновенные налоги, принуждено было бы для остановленія своего паденія прибѣгнуть къ средствамъ, употребляемымъ въ Сузѣ. Дарій, который все могъ сдѣлать, исключая умноженія своихъ доходовъ, принужденъ былъ предать свое царство грабленіямъ тирановъ, нижшихъ себя, чтобъ ограбить наконецъ и у нихъ самихъ похищенное ими.

И такъ ты оставишь торговлю свободну и даже до чужестранныхъ товаровъ? . . . . . Другъ мой! торговля даетъ по силѣ получаемаго; и когда она есть мѣна цѣны за цѣну, какимъ образомъ воспротивиться теченію сей мѣны безъ униженія цѣны произведеній? Неволею принудишь продавать будетъ притѣсненіе. Гдѣ имѣется менѣе первой матеріи для занятія себя раченіемъ, тамъ вѣрно уже не столько средствъ къ заплатѣ оной. Впрочемъ количество трудовъ вѣсится количествомъ произведеній. Естьли уменьшить

шить сіи, то не остается никакого убѣжища противъ нищеты. Нечего выбирать, должно человѣку жить или изъ прибыли, или изъ того, что ему дано будетъ. Но что потребно къ предупрежденію излишества въ налогахъ, даже на земли? . . . . . Другъ мой! за что Цари изгнаны изъ Аѳинъ? За что Архонты съ десяти лѣтъ спустились на одинъ годъ? За то, что первые оказывали свою неограниченную власть надъ волею и необходимыми нуждами гражданъ, и что другіе, ни мало не отличаясь отъ подданныхъ, сдѣлали себя самодержцами. Вопль и жалобы гонимыхъ рано, или поздно, однако наконецъ привлекаютъ паденіе тиранству. Во всемъ и вездѣ, когда правленіе и народъ въ военномъ состояніи, должно одному изгибаться, а другому пребыть въ рабствѣ, стонать ушѣсненному силою, или расторгнуть узы противъ закона. Не думаешь ли ты, Клисѳенъ, что человѣкъ могъ потерять право свое на законно имъ владѣемое? И естьли сіе право есть дѣйствительное и отчужденно быть не можетъ, то можно ли наложить безъ него и безъ его согласія? Никакъ, налогъ зависитъ

отъ собственности. *Владѣтель поля долженъ быть владѣтель плодовъ.*

Для оцѣнки же собственнаго имѣнія, какъ ты внушаешь, говоритъ Клисѳенъ, должно имѣть совѣсть, которая бы прилѣпляла подданнаго къ правленію помощію любви къ благу общему; гдѣ же найти сіе сообщеніе чувствованій и справедливости? . . . Въ гражданинѣ, прервалъ Аристидъ. Естьли бы кто могъ не быть имъ, правосудіе недалеко; оно творитъ добро безъ утѣсненія. . . . . Въ нетерпящей нуждѣ не менѣе ли бы тягостно и не удобнѣе ли было бы прибѣгнуть къ займамъ? прибавилъ къ тому Клисѳенъ. О боги! вскричалъ Аристидъ, когда я увижу отечество мое, угрожаемое симъ бѣдствіемъ, я отвращу глаза, и не буду смотрѣть на его паденіе. . . . . Паденіе? развѣ государство раззоряется въ концѣ отъ долговъ, когда привлекается золото отъ чужестранныхъ? . . . . Конечно, отвѣтствовалъ Аристидъ, такъ какъ бы оное привлекаемо было продажею части своихъ владѣній. Скажите, что смѣшнѣе: предать ли имъ оное, или удобрять для нихъ? Слушай! чужее золото вѣситься будетъ на народъ, принимай въ разсужденіе

деніе проценты онаго; частной почувствуетъ сію тяжесть и увидитъ себя въ состояніи, какъ бы онъ самъ на свой щетъ занялъ вмѣсто экономіи въ своихъ дневныхъ издержкахъ, со стороны случающихся. Должно имѣть движущее, чтобъ приводить въ движеніе деньги; онѣ сами собою не обращаются. Ты покрылъ бы Аѳины золотомъ, естьли бы мы не имѣли торговыхъ вещей; сіе золото осталось бы безъ дѣйствія, или хотя бы оно и дѣйствовало, но для заложенія намъ будущаго на настоящее; а сіе бы значило играть теперешнимъ своимъ благополучіемъ противъ неминуемо имѣющаго притти бѣдствія. О Клисѳенъ! счелъ ли ты порочныхъ и пронырливыхъ слугъ, отнятыхъ у земли; дѣвицъ, изторженныхъ изъ рукъ невинности и похищенныхъ у супружества; людей наконецъ, которыхъ ты набогащеніемъ ихъ унизилъ и сдѣлалъ подлыми? Другъ мой! умножимъ долги и произрастѣнія, не безпокоясь о знакахъ; нужда и довѣренность скоро введутъ ихъ безъ насъ. Земледѣліе и торговля претерпѣваютъ всегда отъ преимущества, отдаемаго знакамъ предъ вещьми. Естьли долгъ есть путь, по которому можно итти къ непріяте-

пріятелю, то думаешь ли ты, чтобъ имъ оной не былъ отверстъ непріятелю къ намъ? Положимъ онъ не дѣлаетъ бѣды, когда уже ничто оной болѣе сдѣлать не можетъ. Первое благо, которое онъ производитъ, есть нещастная склонность къ праздности и упущенію его, убѣгая доказательствъ и слѣдствій. Чрезъ оной республика и государство привязывается къ достатку, которой ничто иное, какъ дѣйствительная нищета. Подъ наружною пышностію онъ скрываетъ рубище; подобно роскоши онъ царствуетъ надъ издыхающими, или трупами. Нѣтъ ничего, даже не выключая и самыхъ нашихъ знаній, что бы не представляло очамъ и уму, какъ полевые труды отвлекли людей отъ звѣрской жизни.

Но естьли же оные служили и успѣвали въ большемъ, то не могутъ ли успѣха имѣть во всемъ меньшемъ? И естьли оные всегда почитаемъ надежнымъ средствомъ, для чего предпочитать всегда сомнительныя?

Но естьли бы мы къ нещастію своему пали, возвышаясь въ роскоши, то я бы тогда то на оную учинилъ налогъ и плодъ сего налога наградилъ бы злоупотребленіе,

требленіе, которое было бы вмѣстѣ и наказано. Сіе средство надежно для истребленія раззорительнаго обыкновенія, хотя оно, будучи слабо, и не могло бы всего наградить. . . . . Не думай о семъ ничего, прервалъ Аристидъ. Люди, прельщенные роскошію, не отстаютъ отъ нее. Ибо блаженство, обѣщаемое ею, всегда льститъ имъ и наконецъ совсѣмъ ихъ ослѣпляетъ. Употребленіе оной бываетъ особливо тогда, когда хотятъ показаться; она бы бесполезна была, естьли бы ее уже видѣли. Когда ее любятъ, умноженіе издержекъ есть ничто иное, какъ причина подкрѣплять оную. Тщеславіе показаться богачемъ удовлетворяется цѣною вещей, и самая издержка на налоги пріятна всякому, кто высоко ставитъ себя золотомъ; иной становится нищимъ отъ того, что не хотѣлъ казаться такимъ; крайнее же нещастіе, не могъ удовольствовать дурачества. Бѣда государствамъ, въ которыхъ она владѣетъ! Да предохранятъ боги отъ нея Аѳинянъ! О Клисѳенъ! колико Сенаторъ великъ позади своихъ воловъ. Колосъ въ лаврахъ и за колесницею не уступаетъ алмазу, украшающему вѣнецъ.

Вотъ,

Вотъ, другъ мой, мысли мои о средствахъ удовлетворить нуждѣ. Мы выходимъ изъ славной войны, флоты наши на моряхъ носятъ побѣдоносной флагъ, который возбуждаетъ зависть съ удивленіемъ въ чужестранцахъ; не должно доводить Аѳинянъ до того, чтобъ они стонали отъ своего торжества. Сенатъ не имѣетъ на то права. Онъ созвалъ гражданъ къ поданію согласія, чтобъ дать законъ касательно до налоговъ. Естьли власть налагать оные законы, не обращу во зло управленія ими. Тѣ же люди, съ которыхъ за благо разсудятъ собирать оные, будутъ судіями оныхъ. Мы вольны: должно не столько требовать, сколько просить; напрасно желать чего отъ подданства, когда все можно получить изъ доброй воли.

О человѣкъ, достойный управлять цѣлымъ міромъ! вскричалъ Клисѳенъ разлучаясь; добродѣтель, обладающая тобою, влечетъ тебя слушающаго. Естьли бы всѣ начальники сборовъ могли тебя услышать, они бы ради своей пользы всю славу свою положили въ томъ, чтобы сдѣлаться тебѣ подобными.

ГЛАВА

ГЛАВА III.

Но чрезъ сіи самыя Клисѳеновы слова Аѳины не долго щадили славу Аристидову ради полезной его добродѣтели. Давъ ему священнѣйшее имя, какое токмо можетъ носить человѣкъ, наказали за то, что онъ впечатлѣлъ свойство онаго въ своемъ поведеніи, изгнаніемъ его изъ стѣнъ своихъ. Клисѳенъ, пораженный симъ ударомъ, который отдаляетъ отъ него друга, осмѣлился оправдать Аристида, услышавъ противъ него ругательства. Въ нашихъ ли стѣнахъ долгъ повелѣваетъ наказывать человѣка, начертавшаго на своихъ дѣяніяхъ священные знаки любви къ отечеству и правосудія, соединенно его защищающихъ? Когда мы проименовали его справедливымъ, мы были въ изступленіи, отвѣтствовалъ на сіе нѣкоторой Сенаторъ: онъ нынѣ опасенъ; высылая его, мы поступаемъ такъ, какъ должно Аѳинянамъ. Когда гражданинъ становится подозрителенъ, то не можно довольно ускорить сокращеніемъ его безславія и предупредить безславіе государства. Сенатъ сіе одобряетъ, а Клисѳенъ вскричалъ:

чалъ: Ступай Аристидъ! что тебѣ оставаться въ Аѳинахъ, когда въ Сенатѣ спрашатся правосудія? Удаляйся, бѣги сего поношенія; добродѣтель тебя зоветъ, слава тебя сопровождаетъ, изгнаніе твое есть торжествомъ для тебя.

Конечно, прервалъ Аристидъ отходя, прошедшее, настоящее и будущее пускай соединятся на мученіе меня: да не щадятъ меня враги за то, что я служилъ отечеству! Рука, которая дѣлаетъ нещастливыми, никогда не сдѣлаетъ меня совершенно нещастливымъ. Какія наши добродѣтели, когда и любовь къ согражданамъ почтена за преступленіе? Любовь, которая насъ одушевляетъ и возводитъ изъ ничтожества. Будь спокоенъ мой другъ; сей день есть славнѣйшій день въ моей жизни: я постараюсь его кончить лучшимъ образомъ. Приходи иногда ко мнѣ, и утѣшайся со мною, видя въ Аѳинахъ младенцовъ, забавляющихся заблужденіемъ и падающихъ между игрою въ ископанныя пропасти.

Онъ возвелъ очи и руки свои на небо, выходя изъ города, просилъ боговъ не наказывать Аѳинъ бѣдствіемъ за то, что питаютъ завистливыхъ, злобныхъ и

ревни-

ревнивыхъ гражданъ. . . . . О родитель нашъ! возопили къ нему его дѣти, обливая его слезами: можетъ ли твоя молитва быть услышана? Ты призываешь небеса въ помощь Аѳинамъ, когда сей городъ утѣсняетъ тебя! Дѣти! я долженъ ихъ призывать. Боги утѣсненныхъ суть равномѣрные утѣснители утѣсняющихъ. . . . . Въ наказаніе конечно? Единое преступленіе, котораго они не отпускаютъ, есть попраніе невинности и немощи. . . . . Дѣти! мы теперь не отвѣтствуемъ небесамъ за погрѣшности земныя. Я лучше соглашусь быть жертвою Сенаторовъ, нежели съ ними участвовать. Всякое преступленіе Сената есть заблужденіе. Естьли бы онъ не имѣлъ покрывала на глазахъ, пошелъ ли бы я въ ссылку? Останусь ли я въ ней, когда оно рушится? . . . О родитель! тотъ услужитъ богамъ, кто за тебя отмститъ. . . . . Такъ вы ихъ не знаете? Не думаете ли вы, что они предпочитаютъ злодѣйство заблужденію и жестокость слѣпотѣ? Любезныя дѣти! страшитесь сихъ самыхъ боговъ, которымъ вы надѣетесь мщеніемъ за меня угодить. Теперь время поступать по правиламъ, внушеннымъ мною вамъ о божествѣ; при-

ведите ихъ на память: вы почувствуете, чего небеса требуютъ въ нещастіи, и что можетъ религія въ тѣсныхъ обстоятельствахъ? Человѣкъ, избавленный отъ сихъ золъ, можетъ имѣть совѣсть чуждую отъ угрызѣній, и не столько долженъ жаловаться, сколько воображаютъ себѣ многіе. Что мученіе тѣла въ сравненіи съ удовольствіемъ чистаго сердца? Одна искра добродѣтели можетъ согрѣть отъ горести оледенѣвшую душу.

Увы, отче мой! вскричала Поликрида: толь неожиданной оборотъ и ниспаденіе съ честей въ безъизвѣстность, скоропостижное прехожденіе отъ шума дѣлъ въ уединеніе есть весьма чувствительный ударъ. . . . . Любезная дочь! онъ чувствителенъ для того, который не можетъ собраться съ духомъ, и который никогда его въ себѣ во внутренность не призываетъ, чтобы имъ насладиться; но не проходитъ дня, чтобы вашъ отецъ не принуждалъ себя испытывать паденія своего. Хотя бы Грецію дала мнѣ свою корону, я бы ее никогда не возложилъ на себя безъ того, чтобъ духъ мой не сошелъ на мѣсто послѣдняго изъ нещастныхъ, собирающихся къ возведенію на сіе достоинство. Престолъ

столъ цѣлаго свѣта не принудилъ бы меня забыть людей, оный укрѣпляющихъ. Тогда бы я его занялъ, любезная дочь, когда бы сходилъ и облобызалъ плугъ, пилу и серпъ, твердость его составляющіе. . . . . Но какъ наполнить въ уединеніи пустоту, оставшуюся отъ дѣлъ въ твоемъ сердцѣ? —— Любезныя дѣти! сердце гражданина никогда не пусто. Природа вложила должности, которыми я не могу довольно быть занятъ. Я бы стенялъ; но сіе приключеніе избавило меня сего, и я благословляю руку, которая навела оное. Безъ того можетъ быть вы бы нѣкогда сдѣлали хуже еще изгнавшихъ меня. О когда бы вы, меня слушая, дѣлали всегда лучшее! Утѣшайте себя, любезныя дѣти; несчастіе есть рука Промысла, которая очищаетъ добродѣтели человѣческія; я неисказанно счастливъ, что она даетъ мнѣ случай загладить пятно; я увѣренъ, что боги на меня призираютъ. Хижина и рубище васъ ждетъ: что въ томъ? Истинна и вольность не теряютъ своей цѣны подъ убогою кровлею; постараемся, чтобы добродѣтель у насъ обитала. Дерзнемъ не вѣрить Аѳинамъ, будто мы лишены всѣхъ

средствъ служить имъ. Люди, остающіеся отцами, дѣтьми и согражданами, значатъ для отечества что нибудь и въ самое то время, когда оно ихъ сражаетъ.

ГЛАВА IV.

Аристидъ сіе доказалъ и тамъ: все время, провожденное въ уединеніи, употреблено имъ на воспитаніе и исправленіе нравовъ дѣтей своихъ. Истинна любитъ уединеніе; для пріобрѣтенія оной должно отлучить себя отъ всего. Аристидъ, который въ шумѣ дѣлъ держалъ себя въ отдаленности отъ міра для того, чтобъ видѣть всѣ онаго излишества, употребилъ сіе уединеніе на познаніе пружинъ и злоупотребленій онаго.

Любезныя дѣти! сказалъ онъ имъ нѣкогда: я часто вамъ говаривалъ о неизмѣримой цѣпи должностей, соединяющихъ человѣка съ богами и привязывающихъ его къ землѣ. Я не умру, не изобразивъ вамъ живо оныхъ. Возведите взоръ вашъ къ божеству: я показалъ вамъ правосудіе, каково оно есть въ своемъ началѣ, единообразно, непремѣнно и вѣчно. Нынѣ надле-

надлежитъ вамъ сойти съ небесъ, обратиться на законы человѣческіе, и судить землю на семъ важномъ пунктѣ. Вспомните сказанное мною о происхожденіи и союзѣ человѣческихъ желаній. Я напоминалъ вамъ примѣтить, что необходимость служила коренемъ первому, а польза, удобство и пріятность составили другой. Нынѣ вы пришли въ такія лѣта, въ которыхъ я могу и долженъ вамъ сказать, что тщеславіе, раждающееся отъ благополучныхъ успѣховъ, растягиваетъ свою цѣпь и производитъ силу и притворство, составляющія онаго послѣдній узелъ. Всему доказательство и картина, которую можно себѣ въ умѣ представить, есть слѣдующее: сила и роскошь равно на вѣсахъ тянутъ въ мірѣ; одна попираетъ должности человѣческія, другая народныя права, для достиженія вѣнца, воображеніемъ сплетеннаго и тщеславіемъ возложеннаго. Притворство, довольно будучи тѣмъ, что даетъ видъ, соединяетъ свой ехидный языкъ съ дѣйствіемъ. Оно раздираетъ подъ видомъ украшенія и сохраненія и умерщвляетъ людей, служа богамъ. Вотъ, любезныя дѣти, политика и служеніе! Мало государствъ, не много священно-

начальствъ и нѣтъ людей, къ которымъ бы не можно отнести сего правила. Насиліе и роскошь истощаютъ, обременяютъ и въ отчаяніе ввергаютъ родъ человѣческій, а изъ сего раждаются мірскія бѣдствія. Притворство покрываетсѧ священнымъ покрываломъ небесъ, поражаетъ подъ видомъ святости землю, и стѣсняетъ оную своими благочестивыми злодѣяніями; отъ сего раждаетсѧ злочестіе и клевета. Бранный мечь становится скипторомъ преступленія, величество добродѣтели пружиною, движимою для удовлетворенія жадности къ злату, могуществу и честолюбію.

Ты въ ужасъ меня приводишь, любезный родитель, сказалъ Лизимахъ: развѣ нѣтъ ни правленія, ни человѣка правосуднаго? . . . . . Любезный сынъ! прервалъ Аристидъ: естьли бы не было, зло, о которомъ я вамъ говорю, не было бы одно. . . . . Но естьли зло толико сдѣлалось всѣмъ общимъ, какимъ же образомъ оное отличить? . . . . . Надежное правило, Лизимахъ, найдешь въ книгѣ, намъ отверзаемой небомъ и природою. Разсудокъ показываетъ всегда нужную страницу, а совѣсть при оной насъ удерживаетъ. Естьли

ли бы, не смотря на невозможность, былъ ты помѣщенъ внѣ міра, и взиралъ на всѣ произшествія со стороны правосудія и въ глубинѣ сего правосудія, на имѣющія одну наружность блага и зла, обнаженныя въ сущности вещи: то чувства твои, примудивъ бы тебя къ дѣланію различія и умствованію, и душа твоя, пришедъ въ силу судить, не опредѣлили ли бы тогда цѣны и мѣста сихъ вещей? Ничто тебѣ не воспрепятствуетъ въ семъ подъ бездною небесъ: нужно токмо разгнать мракъ, затмѣвающій предметы, и раздрать завѣсу, закрывающую оные; а къ сему ты имѣешь два средства, въ которыхъ никогда недостатка не будетъ: время, которое тебѣ будетъ служить учителемъ, и бѣдствіе, которое послужитъ тебѣ ученіемъ.

Должно ли для опредѣленія надлежащей цѣны вещамъ подвергаться нещастію? . . . . . Любезный сынъ! нещастіе ближняго можетъ научить, но собственное бѣдствіе скоро постигаетъ, и невозможно принять надлежащихъ мѣръ къ отвращенію онаго: должно токмо забыть себя, а кто не забывается? . . . . . Ты объявилъ свое мнѣніе о мірѣ, правленіи и

людяхъ; смотря на сіе, привязанность твоя къ Аѳинамъ и Аѳинянамъ приводитъ меня въ удивленіе.... Родитель мой! и я искренно признаюсь, что сіе меня не такъ прельщаетъ. . . . . Слушай, Лизимахъ, что вѣщаетъ тебѣ природа въ разсужденіи отечества и подобныхъ тебѣ: законъ всѣмъ общій, непремѣненъ, и онъ внушаетъ любовь. Законъ, данный тебѣ здравымъ разумомъ для сохраненія, содержанія и защищенія собственно твоей особы, дозволяетъ ли питать ненависть и мщеніе? Правленіе отступаетъ отъ своихъ правилъ и законовъ: благоразумно ли ты сдѣлаешь, естьли учинишь себя преступникомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ сіе оныя исправить? Люди суть свирѣпыя животныя и надмѣнныя; и такъ укроти ихъ звѣрство; поведеніе и нравы неукоризненныя даютъ кротость, пріятность, вольность; сіе ихъ привлекаетъ. Жалуйся на нихъ, но не презирая; наставляй ихъ, но безъ гордости; прощай заблужденія и предразсужденія: они къ онымъ пріобыкли, съ ними возрасли и воспитаны; ихъ природа не столько виновна, какъ упорная воля ихъ. Естьли они не оставляютъ своей слѣпоты, ты не имѣешь права ихъ

за

за то наказывать. Естьли ты думаешь имѣть оное, законъ не сдѣлаетъ твоего злодѣянія законнымъ. Сноси равнодушно отъ нихъ обиды; ложная честь имъ влагаетъ оныя, а самолюбіе неправильное, слѣпая корысть, худое понятіе о правосудіи подкрѣпляютъ ихъ. Твоя пошачка должна соразмѣрна быть твоему просвѣщенію: чѣмъ болѣе тебѣ природа откроетъ таинствъ, тѣмъ менѣе имѣешь права презирать тѣхъ, которымъ она не открыла. Статься можетъ, они не познаютъ твоихъ намѣреній, можетъ не поймутъ твоего языка; нужды нѣтъ: основательныя твои правила, веселый духъ, тишина, царствующая въ твоей совѣсти, наградятъ тебя за претерпѣнное. Съ высоты, на которую ты возносишься, узришь безъ страха проходящее стадо львовъ, тигровъ, агнцевъ, волковъ подъ видомъ человѣческимъ, въ свойство и склонности коихъ ты проникнешь съ перваго взгляду, и которыхъ будешь искать, или удаляться, по тому, какъ они споспѣшествовать будутъ твоему блаженству, или разрушать оное. Случайность можетъ быть возведетъ тебя на степень тѣхъ, коихъ называютъ *великими*; изъ нихъ нѣкоторые богами вѣнчан-

ны. Сердце восторгомъ объемлется при произнесеніи тебѣ сего, любезный сынъ! Падай къ стопамъ оныхъ; не подло унижаться предъ *человѣкомъ*; но естьли возведенные на сію степень достоинства ползаютъ душею своею; естьли почитающіе тебя различнаго съ собою естества превозносятся властію и сокровищами, возвысься на высоту разума и отвѣшествуй имъ. Естьли они тогда не внемлютъ словамъ твоимъ, убѣгай ихъ изъ жалости. Неблагоразумно и непозволительно быть мудрымъ предъ человѣкомъ сильнымъ, который ненавидитъ здравомыслящаго и вѣщающаго истинну и свободу. Помни, что ты рожденъ свободнымъ, и что имѣешь право повиноваться однимъ законамъ; никого не опасайся, кромѣ оныхъ. Пока будетъ существовать въ тебѣ душа, храни сіе благородное и высокое чувствованіе; темница, мученія ничего не могутъ противъ него; и когда кто хранитъ оное, тотъ владѣетъ мужествомъ, тогда тотъ и добродѣтеленъ; подлый рабъ и льстецъ всегда худые подданные.

Естьли бы мнѣ слѣдовало жить въ монархіи. . . . . Монархъ полагаетъ предѣлъ въ своей власти. —— Кто въ семъ поро-

порочится? —— Собственная его польза. Вѣрь, что Государь, забывающій себя, самъ первый отъ того терпитъ. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы не зналъ, что они не имѣютъ ненавистнаго права удручать подданнаго горестію и лишать напрасно жизни. Знаю, что были изъ нихъ такіе, которые сіе право превращали въ добродѣтель тѣмъ, которые имъ оное давали; но симъ чудовищамъ кто изъ смертныхъ пожелаетъ быть подобнымъ? —— Однако имъ должно было повиноваться, сказалъ Лизимахъ. —— Принужденіе не значитъ покорность; стонъ не есть желаніе. Се доказательство, любезный сынъ, сказаннаго мною, т. е. что насиліе попираетъ право народное, чтобъ возвыситься. . . . . Что жъ въ такомъ случаѣ начать? . . . . . То, что начинаютъ въ нещастіи, котораго ни предусмотрѣть, ни предупредить не возможно было: проливать слезы къ природѣ, оплакивающей произшествія, ей противныя, рушеніе причинъ оныхъ, и ждать отъ времени обстоятельствъ, въ которыхъ бы ты могъ требовать правосудія отъ законовъ противъ законовъ.

Дражайшія дѣти! почитайте боговъ, старайтесь о добродѣтели, ищите дружества, снискивайте блаженство, любите истинну, будьте истинны въ разсужденіи самихъ себя, наблюдайте справедливость въ разсужденіи прочихъ, отвращайте взоръ отъ неправосудія и заблужденій людскихъ: тогда-то узнаете, какъ прощать и за причиненныя вамъ бѣдствія. Поступайте по симъ правиламъ болѣе еще, нежели по законамъ; и вы испытаете во всѣхъ и на всемъ блаженство бытія человѣческаго. Любезныя дѣти! сей есть духъ родительскій, сей есть вѣщающій вамъ гласъ его: будьте терпѣливы въ своихъ желаніяхъ, умѣйте ожидать и отставать, почитайте себя благополучными, когда въ вашихъ горестяхъ получите частицу желаемаго; обуздывайте страсти для приведенія себя въ безопасность отъ слабостей. Естьли онѣ для души то, что душа для тѣла, побѣда, одерживаемая надъ ними, отнимаетъ часто желаніе одерживать оныя.

Слова твои утѣшаютъ насъ при твоемъ униженіи, говоритъ Лизимахъ. —— Это ты говоришь объ униженіи? Любезный сынъ! можно ли почесть себя униженнымъ

нымъ за добрыя дѣла, и не лучше ли сойти единожды, нежели подвергенну быть всегдашнему искушенію страха, чтобъ не пасть? Вѣрь мнѣ, безъ сожалѣнія тѣ нисходятъ, кои восходятъ не изъ честолюбія. Естьли бы ты зналъ точно обширность должностей, которыя надлежитъ гражданину, вступающему въ Сенатъ, исполнять: сколько попеченій и заботъ должно ему употребить! Знаешь ли ты, что есть нѣчто, чѣмъ можно привесть въ трепетъ члены свои, когда въ разсужденіе принять, что не довольно для сего священнаго собранія не дѣлать никому зла; но что оно должно еще отвѣтствовать за добро, котораго не дѣлаетъ? —— Тѣмъ-то оно и виновнѣе противъ тебя. —— Я признаюсь, любезный сынъ, что Сенатъ преступилъ въ разсужденіи меня; но справедливъ ли, или ослѣпленъ онъ, я служу доказательствомъ сказанному мною. Жертвованіе частной пользы общему благу раждаетъ недовольныхъ, такъ равно, какъ и жертвованіе общимъ благомъ частному прибытку ввергаетъ многихъ гражданъ въ бѣдствіе. Сенату, единожды обольщенному и обманутому, не должно было медлить

въ

въ мысляхъ при такихъ обстоятельствахъ.

Нѣтъ, любезный родитель; но пользуясь твоими благодѣяніями и благоденствіемъ, не терялъ ли онъ послѣдняго права на то, чтобъ тебѣ причинить огорченіе, паче же лишить жизни? —— Любезный сынъ! онъ не такъ усматривалъ мою горесть, какъ свои выгоды; по его основаніямъ мнѣ надлежало удалиться для спасенія его. Когда Сенатъ отворяетъ дверь гражданину, отворяетъ для того, чтобъ имъ повелѣвать и пользоваться его услугами и вѣрностію; а гражданинъ, входя въ оный, долженъ забыть желаніе. Хотя бы онъ орелъ былъ, онъ не далѣе возвышаться долженъ, какъ до совѣтовъ. Бѣда Аѳинянамъ, естьли равенство рушится между Сенаторами. Одинъ человѣкъ можетъ быть душею республики; но республика должна полагать границы его духу, посылать его предъ собою и попускать, чтобъ онъ царствовалъ, естьли тебѣ угодно, повелѣвая самимъ собою. Наша республика, изгнавъ Царей, сопрягла ненависть съ властительствомъ, и сія ненависть должна жить въ сердцѣ всякаго Аѳинянина съ вольностію. Впрочемъ, любезный

безный сынъ, закроемъ сіе завѣсою. Если-ли не молчаніе, то забвеніе намъ поможетъ болѣе, нежели жалобы и слезы. Особливо отложимъ негодованіе; ты одинмъ послѣдованіемъ и подражаніемъ мнѣ можешь утѣшить и оправдать меня. Жизнь моя проходитъ, любезныя дѣти; вы ее помрачите, естьли потеряете моею ссылкою свою невинность. Небеса соединяютъ славу съ подвигами и препонами; для торжествованія должно сразиться и побѣдить. Я весьма щастливъ, что мнѣ остается только сражаться съ собою для одержанія совершенной побѣды.

ГЛАВА V.

Аристидъ хотѣлъ продолжать, но его взоръ палъ на одну изъ его дочерей, которая всячески старалась скрыть свои слезы. . . . Ты плачешь, любезная дочь, сказалъ онъ ей; ты думаешь, что я мучусь; ты видишь, что меня принудили все оставить, а не видишь щастія, которое я нахожу. Посмотри на благотворное свѣтило; оно спокойно въ теченіи своемъ улыбается, лучи его освѣщаютъ землю и тогда, когда теплота его не можетъ нагрѣвать

грѣвать оной. Поликрида! се образъ праведника, и всѣ мои стараніи стремятся содѣлать себя имъ. . . . . Дражайшій родитель! для чего такая же кровь не оживила такой же души, сказала Поликрида; твоя) лѣется въ моихъ жилахъ, однако я не имѣю мужества твоего. Природа, даровавши мнѣ сердце, не дала тонкости для наполненія его. Я имѣю твою искренность, которая мнѣ нужна для признанія стыда своего и умноженія твоей горести своею. Я люблю, и предметъ моей любви есть Персъ, врагъ Аѳинянамъ, человѣкъ, котораго законъ отвергаетъ насъ, а нашъ отвергаетъ его.

Любезная дочь! сказалъ Аристидъ: это можетъ быть нещастіе, но не подлость. Развѣ ты думаешь, что нигдѣ нѣтъ, кромѣ Греціи, добродѣтели? А естьли сыщется въ Персіи, то какой бы законъ могъ унизить того, который бы ее полюбилъ? У всѣхъ земныхъ народовъ, у всѣхъ смертныхъ законъ долженъ быть совершенствованіе природы. Какое можетъ быть его несовершенство, естьли онъ соединяетъ Гречанку съ Персіяниномъ добродѣтельнымъ? Нашъ стѣсняетъ узами брака;

ка; изъ политическаго и естественнаго союза дѣлаетъ онъ союзъ священный; но лучше бы ему ограничиться и положить соглашенія супруговъ между судилищемъ и олтаремъ, подъ охраненіе боговъ и законовъ, и оставить сердцу попеченіе о выборѣ, а природѣ доставленіе всего того, что можетъ способствовать любви. Да положитъ вездѣ преграды чувствамъ; да изгонитъ онъ даже тѣ предметы, которые могутъ участвовать въ обольщеніи и непозволеннаго желанія. Се права, но нравы отвергаютъ ихъ. Но да воспретитъ онъ Греку соединиться съ Персіянкою, съ Египтянкою, это похищеніе у природы, котораго боги можетъ быть не подтверждаютъ. Что небо отвергнетъ въ соглашеніи, которое природа укрѣпляетъ, склонность дѣлаетъ необходимымъ, а честь съ трепетомъ не видитъ окончанія, и которое старается только о доставленіи спокойствія людямъ и о сохраненіи многочисленныхъ народовъ крови, которая безъ него пролилась? Естьли боги желаютъ блаженства людямъ и тишины землѣ, какое бы то ни было средство, доставляющее то, оно свято, когда природа оное признаетъ.

Утѣшайся же, дочь моя; религія, бдящая надъ святостію браковъ, на добродѣтель токмо взираетъ, для освященія ихъ. Естьли благоустройство жрецовъ требуетъ другаго чего, оно не есть Божіе. Каллій и другіе ему подобные жрецы можетъ быть скажутъ тебѣ, что ты не можешь соглашаться съ человѣкомъ различнаго закона. Естьли ты изъ снисхожденія пожелаешь ошвѣтствовать, то вопроси у нихъ, законъ ли даетъ сердце, желанія, склонности, и какое его лице въ сердцахъ, отдающихся другъ другу, и клятву дающихъ вѣчно обитать другъ въ другѣ.

Впрочемъ, любезная дочь, это еще самое малѣйшее неудобство въ брачномъ союзѣ. Я нерѣдко тебѣ говаривалъ, что природа поставила полъ твой между презрѣніемъ и горестями; сіе оправдываетсся почти во всѣхъ частяхъ свѣта, а особливо у Персовъ, у которыхъ излишнее притѣсненіе раждаетъ излишества любви. Ты должна шамъ имѣть вѣчными себѣ подругами соперницъ и враговъ, и имѣть чувства и волю для одного человѣка; ты за рабство должна будешь платить любовію, или наружностію

стію любви, которой можетъ быть имѣть не будешь. Я не запрещаю тебѣ любить; въ жизни должно воздать единожды сію дань сердцу: я еще похваляю сіе чувствованіе; но какъ я отецъ, то я долженъ показать тебѣ бѣдствія, которымъ ты себя хочешь подвергнуть, любя человѣка, привязаннаго къ другимъ должностямъ и инымъ предразсужденіямъ. Онъ можетъ быть честенъ, можетъ быть онъ и воспитанъ для тебя. Поликрида, любезная дочь! еще въ первой разъ сердце твое отверзается любви; страшись ея злоупотребленій. Ты должна держать супруга въ рукахъ добродѣтели; естьли ты не вкушаешь, или естьли ты не раздѣляешь благородной страсти, вѣрь въ томъ отцу твоему, что твой выборъ будетъ постыденъ и зашмитъ тебя. Чувствованіе должно представляться со славою, а ты весьма мало знаешь предметъ своей любви, и не можешь себя назвать съ нимъ ею соединенною. Я не знаю также и того, какъ Аѳинская дѣвица можетъ смѣшивать ее съ ненавистными понятіями рабства, и соединять стонающую честь съ горячностію, и съ двоякимъ тиранствомъ любви и гордости.

Такъ смотри же, любезная дочь: обязательство, превращающее двѣ воли въ одну, и дающее двумъ существамъ одну жизнь и душу, способно ли къ такимъ дѣламъ, которыя сами себя уничтожаютъ. Когда ты свѣсишь сіи истины, твое сердце исцѣлится, или мнѣ уже не достанется тебѣ говорить. Я часто предупреждалъ тебя отъ скрытыхъ камней, которые окружаютъ полъ твой; я тебѣ показалъ средства избѣгать оныхъ: естьли ты ихъ не потеряешь изъ виду, будь благонадежна, что небо и природа пошлютъ тебѣ супруга, достойнаго тебя. Ступай, дочь моя, призови въ помощь разумъ и религію; они просвѣтятъ встревоженную твою душу болѣе, нежели сколько солнце освѣщаетъ міръ; и помни, что вспомоществовать и обращать ее на себя есть долгъ отца твоего.

Конечно, родитель мой, прервала Поликрида; ты меня отъ себя самой избавилъ. Питаю въ сердцѣ любовь, но уповаю и на разсудокъ, которому ты заставляешь меня слѣдовать. Въ твоихъ объятіяхъ я очищу свой пламень. Боги, которые подъ твоимъ руководствомъ возженіе онаго узрятъ, освятятъ его. Естьли

ли они дали любить брачной союзъ и законъ, они должны и благословить содѣлываемый предъ лицемъ небесъ и предъ очами отца. Ихъ дуновеніе возжигаетъ молнію, для чего же оному не возжечь пламени въ душѣ, ихъ призывающей? Нѣтъ, любезная дочь, сказалъ Аристидъ, съ такими чувствованіями душа твоя не скроется отъ нихъ; она не измѣнитъ вѣрности, которою ты имъ обязана. Не взирая на смущеніе твоего сердца, ты отвергнешь всякую любовь, которая бы отъ нихъ не получила корени. Ты узришь стремнину, къ которой она ведетъ, а вѣроломство и нещастіе будетъ тебя стеречь. О когда бы вы, любезныя дѣти, продолжалъ онъ, обратившись къ Лизимаху и другой сестрѣ его, были толико же послушны, какъ Поликрида, и приняли ее себѣ образцемъ и правиломъ! Дѣти ваши, любезный родитель, вскричали всѣ трое вмѣстѣ, бросаясь къ нему на шею, приносятъ первые свои обѣты небесамъ; но виновникъ дней ихъ есть ихъ Богъ на земли. Конечно ты намъ далъ бытіе, продолжалъ Лизимахъ, твоя жизнь и твое все; ты испытываешь насъ въ добродѣтели; боги въ награжденіе тебѣ на

вѣки запечатлѣютъ тебя въ сердцахъ нашихъ. —— Слезы радости и утѣшенія полились изъ очей отца и дѣтей, и сей день былъ славнѣйшій въ жизни Аристидовой.

ГЛАВА VI.

Пойдемъ, сынъ мой, сказалъ Аристидъ нѣкогда Лизимаху: се минута, въ которую вся земля пробуждается; бери твой плугъ, пойдемъ принесемъ жертву богамъ: пѣтухъ уже въ послѣдній разъ прогласилъ, часы работы, я спѣшу, чтобъ тебѣ не пропустить пѣнія естества, праздную щаго возвращеніе Отца свѣта, и присовокупить полезные звуки моего инструмента. Смотри, любезный сынъ, продолжалъ онъ, подходя къ полямъ, примѣчай: величество и радость царствуетъ въ тишинѣ и безмолвіи. Какое зрѣлище! Бѣда душѣ, въ которой сіе не производитъ сладостнаго удовольствія и удивленія! Здѣсь не слышно раздоровъ Сенаторскихъ, шуму народнаго, лукавства и пронырства всѣхъ. Въ какомъ бы состояніи былъ твой отецъ, естьли бы слуху его касались

лись стоны народа, котораго бы онъ утѣснилъ, или котораго бы онъ принудилъ сокрыть свои слезы; или естьли бы онъ, не терпя спокойствія, и алкая къ завоеваніямъ, изготовлялъ его на брань, точно такъ, когда бы кровь ихъ долженствовала загладить какія страшныя злодѣйства? Слушай сынъ! пѣніе сихъ гражданъ есть тотъ же имнъ богамъ, есть тоже благословеніе, которое они даютъ отцу твоему. Сіи минуты суть минуты сладчайшія жизни моей: онѣ мнѣ даютъ чувствовать болѣе теперь ужасъ средствъ, которыя политика употребляетъ толь часто для истребленія человѣка за человѣка. Смотри, колико блаженъ тотъ, который, не раболѣпствуя достоинствамъ, наблюдаетъ таинственное наблюденіе земли, и въ величественной тишинѣ естества возвышается о произрастѣніяхъ до высотъ небесныхъ размышленіями. Сравни наше состояніе, сынъ мой, съ состояніемъ тѣхъ, которые нетерпѣливо ожидаютъ часа, опредѣленнаго гордостію, дабы итти, и ползая у дверей сильныхъ, стараются получить отъ нихъ нѣсколько талантовъ, чтобъ купить потомъ потъ

и плачь согражданъ своихъ. —— Говоря сіе Аристидъ, непрестанно пахалъ землю.

Въ семъ-то упражненіи засталъ его Клисоенъ. Что ты дѣлаешь? сказалъ ему подшедъ. Царствую, отвѣтствовалъ Аристидъ. Земля съ гордостію носитъ меня въ своемъ объятіи, когда видитъ, что я занимаюсь благоденствіемъ мира. . . . . Можно ли оное найти въ нѣдрахъ ея? прервалъ Клисоенъ. . . . . Другъ мой! въ нихъ жизнь человѣческая, и сама Церера въ нихъ же нашла жертвенники. *Человѣкъ, полезнѣйшій въ государствѣ, есть тотъ, который вмѣсто одного произведетъ два колоса.* Сіе должно быть надписью Аѳинъ, и попеченіемъ каждаго Аѳинянина. Сила и богатство имперіи состоитъ въ земледѣліи. Всякое могущество, не отъ него происходящее, есть ложное, и происходитъ подобно какъ тѣ самыя вещи, которыя даютъ ему бытіе. Тиръ и Карѳагенъ процвѣтаютъ: что потребно для приведенія ихъ въ упадокъ? Государство, которое бы спорило съ ними въ ревности, или которое бы лишило ихъ рачительности и торговли по зависти; а для сего должно ему токмо ввести такое же трудолюбіе, или запретить вывозъ

ихъ

ихъ веществъ природы, или провозъ сихъ веществъ въ дѣлѣ; но странѣ, въ которой земледѣліе въ чести, ничего сдѣлать не можно. Все раждается въ грядахъ, и дѣйствительный сошникъ есть образъ могущества боговъ. Земля въ разсужденіи государства есть тоже, что небо въ разсужденіи природы, и земледѣлецъ къ славѣ государства, такъ какъ солнце къ растѣніямъ. . . . . Ты возвышаешь слишкомъ много земледѣльца; развѣ ты думаешь, что все равно, держать въ рукахъ тѣлежку и начальствовать фалангою? . . . . . Другъ мой! опвѣтствовалъ Аристидъ: я сказываю, что сія наука сотворила боговъ, и никогда не дѣлала нещастныхъ, кромѣ тѣхъ, которые въ ней упражнялись, да и то тогда только, когда люди возупрямствовали, и не хотѣли быть болѣе щастливыми; но можешь ли ты столько того же сказать о тѣхъ, которые начальствовали надъ народами, воинствомъ и святилищами? Ты не сыщешь въ цѣломъ свѣтѣ единаго земледѣльца, который бы когда нибудь вредилъ своему отечеству своими трудами, а тысящи Государей, полководцовъ и жертвоприносителей обагрили міръ своимъ примѣромъ,

и обременили своими дѣяніями. Вмѣсто одного изъ нихъ, который отмщеваетъ за него, защищаетъ его, или наставляетъ, милiоны удручаютъ и разрушаютъ его. Обстоятельство требуетъ жертвоприносителя, вождя, мгновенно находить людей, которые предлагаютъ свои руки и свою службу; государство требуетъ отъ нихъ вѣрности, они даютъ клятву, а корысть и притворство насмѣхаются ихъ присягѣ, во ожиданiи одобрить себя за употребленiе ихъ должностей; но гдѣ то обстоятельство, въ которомъ отечество не благословляетъ дѣйствiе земледѣльца, оное питающаго? Копье, кадильница и сошникъ суть орудiя, которыя поддерживаютъ имперiю, и сдѣлались эмблеммами, которыя раздѣляютъ на классы людей въ обществѣ; но естьли земля всегда служитъ Промыслу, и никогда не возмущается противъ воли небесъ; естьли кадильница, сдѣланная единственно для нихъ, озлобляетъ иногда ихъ величество; естьли рука, которая можетъ служить, должна оставить оную и занять то, что польза представитъ; естьли наконецъ должно уважить людей по мѣрѣ, сколько ихъ упражненiя дѣлаютъ ихъ ближайшими къ богамъ,

богамъ, общество не возвратится никогда скоро на чины и отличности, которыми оно удостоиваетъ своихъ членовъ. Питать людей никогда не вредно; а губить ихъ, или входить въ одно, или другое святилище, часто бываетъ вредно. Поселянинъ можетъ быть виновенъ, но никогда за то, что онъ управлялъ тѣлежкою, или плугомъ; военачальникъ, жертвозаклатель, судія, могутъ измѣнить своимъ должностямъ, но никогда они не погрѣшаютъ, не сдѣлавшись преступниками, и преступленіе ихъ озлобляетъ величество боговъ и государства: вотъ правило помѣщать людей и средство судить о ихъ состояніи. Клисеенъ! когда я вспомню, что дѣйствительный сошникъ всегда благотворителенъ, какаябъ то ни была рука, которая имъ владѣетъ, и что потребны люди рѣдкіе, дабы кадильница и мечь не привели въ краску и трепетъ человѣчества и религіи, мнѣ трудно понять, какъ можетъ оставленъ быть одинъ уголъ земли, и какимъ образомъ тѣни храма и щита могли содѣлаться толико гибельными множеству головъ. Сіе не есть малѣйшее заблужденіе, и не то, которое не

сильно

сильно поразить нашихъ потомковъ, которымъ удастся помыслить.

Смѣненіе государства и уничтоженіе чина ввело бы большія злоупотребленія, нежели тѣ, которыя ты хочешь исправлять, говоритъ Клисѳенъ. . . . . Другъ мой! прервалъ Аристидъ: я не столько хотѣлъ перемѣнить вещи, сколько привесть въ цѣну способъ ихъ бытія, дабы отличить трехъ добродѣтельныхъ и равно полезныхъ мужей. Давать преимущество равному достоинству не значитъ ли бодрости лишить одного и другому внушить гордость? Жертвоприноситель (особливо сельскій), который по отправленіи священныхъ своихъ должностей своего святилища трудится, научаетъ, созидаетъ, совѣтуетъ, утѣшаетъ и облегчаетъ толпу нещастныхъ; вождь, который, принявъ оружіе за отечество, отлагаетъ оное, когда оно внѣ опасности и не требуетъ болѣе честей и награжденій, отъ которыхъ народъ бы пришелъ въ упадокъ, и кровь солдата могла бы пролиша быть; судія, который по опредѣленіи приговоровъ и правосудія предупреждаетъ новыя хищенія и неправды своимъ стараніемъ; и земледѣлецъ, имѣя въ рукахъ своихъ плугъ,

плугъ, удобряющій землю, составляютъ число сихъ священныхъ особъ, которыхъ здравой разумъ не дозволяетъ отличать, развѣ большинствомъ помощи, или услугъ.

О семъ тебѣ довольно сказано, Клисѳенъ. Естьли бы всѣ Аѳиняне мыслили сходственно съ тобою, то я тожмо дѣйствія ихъ привелъ бы въ правило. Для чего намъ желать еще большаго, чтобы въ дѣйство производимы были сіи толико полезныя истинны? Чего ты намѣренъ ожидать, говоритъ Клисѳенъ, отъ тщеславнаго, вѣтреннаго, надмѣннаго и ревниваго народа? Не доказалъ ли ты, что онъ оставляетъ доводы для словъ, и что онъ теряетъ, когда дѣло идетъ о рѣшеніи, все свое остроуміе въ разсужденіи? Сіе доказательство больше еще почувствуешь въ обстоятельствахъ, которыя нынѣ представляются. Ксерксъ перешелъ Ѳессалію и Беотію и стоитъ при дверяхъ Аттики; мы угрожаемы, Сенатъ трепещетъ, и разсѣявши въ законахъ злоупотребленія, а казни на самыя даже услуги, соединяетъ злость съ необходимостію: онъ освобождаетъ тебя изъ страха отъ ссылки, дабы ты не соединился съ врагами его, и не нанесъ вреда.

Что

Что ты говоришь, другъ мой? Вотъ что мнѣ нестерпимо! вскричалъ Аристидъ. Чувствительнѣйшій ударъ, какой токмо могъ мнѣ нанесть Сенатъ, опасаться меня, когда сердце мое горитъ къ Аѳинамъ. Ахъ, Клисѳенъ! когда любовь къ отечеству есть щитло, наводящее страхъ, что должно думать о тѣхъ, которые кормиломъ онаго управляютъ? О любезный другъ! по какой судьбѣ здравой разумъ не прежде приходитъ, но вмѣстѣ съ зрѣлостію имперіи? Опасаются, чтобъ я не присталъ къ врагамъ моего отечества, того, которое наполняетъ мое сердце, когда я ни возводилъ руки свои на небо; того, котораго бѣдствія и необходимости мучили всегда мое бытіе! Никакъ, Аѳины не откроютъ очей, и тогда токмо будутъ осторожны, когда клониться начнутъ къ паденію. Хотя бы Сенатъ началъ тогда по крайней мѣрѣ мудрствовать, когда дѣло зайдетъ о подкрѣпленіи, или возстановленіи его! Я поставляю свидѣтелемъ честь, Клисѳенъ, что естьли когда сердце мое было раздѣляемо ненавистію и любовію, то всегда послѣднюю питалъ я въ разсужденіи моего отечества, а первую противъ его тирановъ. Меня страшатся,

слѣд-

слѣдственно я долженъ презирать тѣхъ, которые меня опасаются; ибо одно только злодѣйство опасается наказанной невинности, такъ точно, какъ и ея мщенія, то есть твердости. А посему Аѳинамъ нечего опасаться отъ моихъ рукъ: ибо я хощу ихъ еще видѣть получающихъ прежнее дыханіе отъ моихъ пораженій. Естьли блаженство сего города соединено съ послѣднею каплею моей крови, другъ мой! ступай, скажи, чтобъ онъ разсыпалъ нѣсколько цвѣтовъ на моей могилѣ.

Что бы ни было, величайшее нещастіе, какое токмо случиться можетъ человѣку, есть то, чтобъ жить и умереть за благо, и я бы почелъ себя такимъ, естьли бы я раздѣлялъ сонъ съ тѣми, которые говорятъ: бодрствуйте для нашей пользы. Пойдемъ, Клисѳенъ, вступимъ въ Сенатъ, покажемъ ему, что естьли злоупотребленіе законовъ можетъ огорчить, однако не убиваетъ сердца гражданина, и что пламень любви и честности гораздо сильнѣе на пеплѣ негодованія. Докажемъ и покажемъ примѣръ, толико нужный республикѣ, что силу и мужество также имѣютъ и тѣ, которыхъ слѣпое щастіе и не возвело на тронъ. Блаженны народы, которые къ

славѣ

славѣ грядутъ по добродѣтели. Наши отцы проложили сей путь, котораго солнце ни мало до нихъ не освѣщало. Другъ мой! оно возвратится на свои слѣды, прежде нежели всѣ Аѳинскіе мѣщане престанутъ по оному шествовать. Ксерксъ возведенъ на престолъ жребіемъ; народное рабство его возвысило; честь принадлежитъ намъ; положимъ оную въ защищеніи себя, и научимъ Персовъ, что желѣзный скипетръ унижаетъ корону, которую одна добродѣтель и человѣколюбіе носить долженствуютъ.

О Аристидъ! вскричалъ Клисѳенъ: имя твое должно на вѣки остаться символомъ Аѳинской славы. Нещастіе Аѳинянину, которому оно не будетъ вмѣсто знаменія блага и стремленія къ вольности. Пламенныя черты запечатлѣли оное въ моемъ сердцѣ. О когда бы тотъ же грабштихъ, когда будетъ болѣе гражданъ въ Аѳинахъ, начерталъ на послѣднемъ сего города камнѣ: *Аристидъ былъ праведенъ и желалъ быть свободнымъ*! Я съ радостію пріемлю щастливыя твои предреченія.

ГЛАВА

ГЛАВА VII.

Отшествіе Аристидово въ ссылку сопровождаемо было слезами всѣхъ добрыхъ людей, возвращеніе же его было для нихъ торжество. Граждане, которые во время его отсутствія чувствовали, что могли притти въ большее нещастіе, привели въ бѣдность зависть при его входѣ симъ сердечнымъ пріемомъ, котораго не могло исторгнуть сіяніе могущества. Единый вѣщалъ: онъ далъ мнѣ плугъ для удобренія земли, которая была въ пустѣ, когда онъ налагалъ подати; другой: онъ пріумножилъ мой торгъ; толпа юношей: мы обязаны ему нашимъ художествомъ и искусствами; всѣ приводили себѣ на память его благодѣянія, для показанія, какое они имѣютъ право его любить. О мой отецъ! вскричала женщина, держащая младенца на рукахъ; смотри, сказала она, продираясь сквозь множество народа, юныя его мышцы подъемлются и благословляютъ тебя; бѣдность довела бы его до гроба, въ которомъ его отецъ лежитъ, естьли бы ты не спасъ его: пріими клятву, которую тебѣ чинитъ мать его; никогда

онъ не произнесетъ имени Аристидова, не почувствовавъ біенія сердца; должность моя впечатлѣть въ немъ благодарность: она составитъ блаженство дней его. . . . Оставьте меня дѣти, сказалъ имъ Аристидъ; душевной пламень смертенъ предъ очами: я обвертываю голову для вспоможенія въ уничтоженіи меня.

Среди сихъ восклицаній Аристидъ вступилъ въ Сенатъ; его ожидали, и Ксантипъ именемъ сего священнаго собранія сказалъ ему: приближься Аристидъ, пріими должной тебѣ санъ. Аѳины угрожаемы, вспомоществуй намъ въ защищеніи отечества отъ власти Персовъ и узъ Ксерксовыхъ. Въ отмщеніе за причиненное ими тебѣ оскорбленіе будь душею нашихъ совѣтовъ. Ты гражданинъ, симъ образомъ ты долженъ наказать свое отечество.

Оно не унизило меня, отвѣтствовалъ Аристидъ; мнѣ стоитъ токмо изчислить дѣла, учиненныя мною, и я буду оправданъ. Увы! прервалъ Ксантипъ, для чего ты не сдѣлалъ сего при самомъ началѣ твоего изгнанія? Я не могъ показать малѣйшей слабости, отвѣчалъ Аристидъ; не мнѣ надлежало проходить теченіе своей

ей жизни, когда Сенатъ забывалъ оное. Подданный не долженъ изыскивать, преступникъ ли онъ, или невиновенъ въ то время, когда власть его подавляетъ; первое его стараніе и первая его должность есть повиноваться. Сенатъ получаетъ оную отъ народа: она справедлива, она есть высочайшая; я въ немъ почиталъ оную, какъ и въ Солонѣ; я повинулся, умолкъ и оставилъ слѣдствія неправды богамъ: они всегда пекутся о невинной душѣ, которую люди хотятъ погубить. Но сего довольно и много уже о себѣ сказалъ; начнемъ говорить о нашихъ нуждахъ и опасностяхъ. Опасности велики, говорили Сенаторы. Какая бѣда, прервалъ Аристидъ, естьли все злато и всѣ мечи не могутъ Аѳинянина сдѣлать измѣнникомъ? Мы оставимъ наши стѣны скорѣе, нежели примемъ законы и подвергнемся игу Ксеркса. Единый день, въ которой свободно дышемъ, лучше цѣлыхъ вѣковъ рабства.

Аристидъ увѣдомился, что Эвриѳіадъ поставленъ главою всего Греческаго воинства, а Ѳемистоклъ начальникомъ Аѳинянъ. Онъ узналъ принятыя средства къ сопротивленію Ксерксу, и что Сала-

минѣ служилъ ѳеатромъ, на которой Грѣція своихъ созывала жителей для защищенія себя.

Ты будешь повелѣвать, сказалъ онъ Ѳемистоклу. Въ ожиданіи, пока я буду тебѣ повиноваться, слушай: ты здѣсь совершенно мнѣ равенъ; Аѳиняне имѣютъ законы и для сильнаго и безсильнаго, для великихъ и малыхъ, для Сената и народа; ты ихъ преступилъ безъ всего и довелъ до того, что я былъ посланъ въ ссылку: должно снять безславное покрывало съ нихъ, чтобъ шы могъ начальствовать.

Я знаю, что тебѣ я обязанъ изгнаніемъ, и не тебѣ обязанъ возвращеніемъ. Страхъ боговъ, святость клятвы и повиновеніе, должное Сенату, котораго шы провелъ, воспрепятствовали мнѣ жаловаться; но всегда ли будешь находить твердость гражданъ, которые бы взирали токмо на узаконенія въ послѣдствіяхъ поведенія человѣколюбца? Кто возмется отвѣтствовать, что твоя гордость и пронырство не приведутъ у тебя въ забвеніе священной власти Сената? Она ему вручена свыше; сопротивленіе ей есть сопротивленіе богамъ. Такъ! но отчаяніе под-

подданнаго называетъ злоупотребленіями божественныя права начальника. Въ человѣкѣ нетвердомъ жалобы природы, которая возстаетъ противъ его правъ, не могутъ ли погасить гласа небесъ, показывающихъ свои? Всякой Сенатъ долженъ бы былъ начертать въ своемъ святилищѣ, и всякой самодержецъ на своемъ тронѣ, что Божескій путь гораздо лучше человѣческаго. Сія истина долженствовала бы въ трепетъ привесть Сенаторовъ и Царей, и тебѣ быть полезною, чтобъ излечить тебя отъ твоей гордости.

Начни же быть справедливымъ, Ѳемистоклъ; уважь права человѣчества, заслуживай и признавай благодѣянія народа, отъ котораго ты получилъ знаки отличности и власть. Что могло бы приключиться нынѣ съ Аѳинянами, естьли бы Сенатъ не воспротивился благоразумно твоимъ желаніямъ, твоимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ противъ Егинцовъ? Служила ли тебѣ довольнымъ щитомъ слава, чтобъ тебѣ возмутить ихъ покой? Знай, что удобность наложить оковы не оправдываетъ преступленія тирана; что естьли природа въ неустройствѣ иногда даетъ чувствовать свои удары народамъ и импе-

ріямъ, то тѣ, которые ими начальствуютъ, весьма часто бываютъ непосредственными причинами, раждающими бѣдствія, ими претерпѣваемыя. Дай какому народу Сенатъ, или Царя нерадиваго, или порочнаго, надмѣннаго, или безчеловѣчнаго: ты покроешь его развратными нравами и бѣдствіями, которыя опустошатъ его. Я тебѣ скажу свободно, какъ должно Аѳинянину: два человѣка, которые бы весьма на тебя походили въ Аѳинахъ, въ неупотребленіи бы содержали свои плуги, и оставили бы свои улицы и свои терновыя поля. Но къ его щастію иждивенія, употребляемыя на наши галеры, послужатъ противъ варваровъ. Вмѣняй себѣ за щастіе, что бѣдствіе твоего отечества спасаетъ тебя отъ безславія, которымъ бы на вѣки затмилась слава твоя. Ты оныя опредѣлилъ противъ Егинскихъ жителей. Естьли бы ты оныя направилъ противъ нихъ, то сдѣлалъ бы то, что мы потеряли бы при первомъ ударѣ веслами славу, которой бы цѣлымъ вѣкомъ добродѣтелей мы не возвратили.

И такъ всходи за вольность на корабли, спущенные на море, и за утѣсненіе оной; омой въ чести вину свою тѣмъ, что

что защитишь нашу за то, что помышлялъ отнять оную у другихъ; ступай и измѣрь мужество свое съ Ксерксовымъ. Я въ твоемъ отмщеніи за оную буду вспомоществовать тебѣ.

ГЛАВА VIII.

Аристидъ сдерживаетъ слово. Эвриѳіадъ рѣшился оставить островъ Саламинъ. Аристидъ съ безпримѣрною отважностію оставилъ Егину, прошелъ сквозь Персидской флотъ и добрался сквозь опасности и мракъ до Ѳемистокловой полатки. На семъ мѣстѣ, сказалъ онъ ему, все, насъ въ несогласіе приведшее, да исчезнетъ. Забудемъ изъ уваженія государства ненависть, которая бы государство погубила, а насъ унизила. Дѣло идетъ о спасеніи его: примемъ на себя священное имя гражданъ вмѣсто Ѳемистокла и Аристида. Мы хотимъ сражаться на обширной могилѣ, гдѣ храбрость слаба безъ искусства. Соединимъ наши усилія, воспользуемся вѣтромъ и волнами, и выиграемъ у непріятеля благоразумiемъ и осторожностію то, что онъ у насъ выигрываетъ

превосходными силами. Въ подобныхъ обстоятельствахъ слабый духъ думаетъ о сдачѣ; твой же кипящій помышленіе можетъ быть о томъ, какъ бы умереть. Изберемъ лучшее, Ѳемистоклъ; возъимѣемъ надежду побѣдить, и употребимъ къ сему всѣ средства. Есть граница, которой обыкновенные люди не преступаютъ. Эврибіадъ дошелъ до оной: онъ откладываетъ и не вступаетъ въ сраженіе въ такое время, когда побѣда неложна. Если-ли наши мышцы направлены мудростію, ты тотъ, который можешь въ лучшее состояніе привесть положеніе наше и дѣла. За спиною у насъ непріятель, непріятель со стороны. Когда мы подадимъ знакъ, Лакедемоняне принуждены будутъ дѣйствовать, и Эврибіадъ по нуждѣ будетъ дѣлать то, что погасшій жаръ, или неосновательная надежда, побуждаютъ его оплагать. Непріятель придетъ въ изумленіе, мы силою сдѣлаемъ себѣ проходъ; день освѣтитъ наше торжествованіе, и побѣда поспѣшитъ утѣшить насъ въ унынии, причиняемомъ превосходствомъ непріятелей. Ты опасаешься, чтобъ начальство не прешло въ руки къ Эпициду: се время тебѣ оправдаться! И обстоятельство,

ство, довершающее твою славу, прибавилъ Ѳемистоклъ, прервавъ его рѣчь. Никогда ты меня толико не унижалъ, и никогда я не чувствовалъ, какъ трудно тому, который носитъ токмо титло прощать тѣмъ, которые украшаются добродѣтелями. . . . . Доброе сердце удручаемое имѣетъ единственно въ себѣ нужду и научиться прощать, отвѣтствовалъ Аристидъ. Когда кто желаетъ возвыситься, долженъ умѣть сходить съ высоты. Вольной, или невольной стыдъ, есть нещастіе, которое должно загладить болѣе дѣлами, нежели раскаяніемъ; безъ того какъ тотъ, который терпитъ, такъ и тотъ, который причиняетъ, равно презираемы. Разъѣ, Ѳемистоклъ! ты думаешь, что мое поведеніе мнѣ ничего не стоитъ? Ты можешь судить, чего мнѣ стоитъ отечество, когда такимъ образомъ повинуюсь. Ты вѣдаешь, какъ мы другъ къ другу относимся; дабы во всемъ не быть другъ другу соперниками, начнемъ ревновать въ правосудіи. Ты имѣешь дарованія: дѣлай ихъ не титлами твоей суетности, ниже подпорою тщеславію, но убѣжищемъ Аѳинскимъ. Дѣлать для блага то, что дѣлаютъ для славы, есть вѣрное средство пріобрѣсть

оную. Величество и сила государства вѣ́ятся рвеніемъ подданныхъ ко благу общему. Сей огонь есть начало великихъ дѣлъ. Владычество міра пало бы, естьли бы не было добрыхъ духовъ во всякое время, которые бы онымъ занимались. Да будутъ сіи острова монументами вѣчными не мщенія, ниже ненависти, но мужества, которое повѣдаетъ позднѣйшему нашему потомству правоту и вольность. Я начертаю на Писталейскомъ пескѣ слѣды, въ ожиданіи начертать на мраморѣ въ Аѳинахъ.

Ненависть была единая отъ меня тебѣ награда за услуги твои, сказалъ Ѳемистоклъ. Я часто, принуждая себя тебѣ удивляться, обращалъ на тебя завистливые глаза: нынѣ я схожу въ мое сердце съ очами истинны, вижу въ тебѣ человѣка, небомъ произведеннаго для подкрѣпленія его правосудія и защищенія нашихъ законовъ. Естьли бы я могъ начать мое теченіе снова, то желалъ бы показать землѣ твоимъ подобныя добродѣтели, и въ доказательство сему негодую, что ты болѣе меня явился добрымъ. Довольно сего. Представленіе крови, занимающее умъ нашъ, не дозволяетъ

должать; а дабы отвѣтствовать твоему умоначертанію, поразимъ и найдемъ того, который насъ озлобляетъ; научимъ Персовъ, что могутъ люди, соединенные за отечество, которое есть мать ихъ.

Любовь есть сильное дыханіе боговъ, сказалъ Аристидъ, чтобъ побѣдить; да будетъ она душею нашихъ сраженій. . . . Такимъ образомъ разсталися Аристидъ и Ѳемистоклъ. Совѣтъ военный собранъ, положено учинить нападеніе. Греки устремились за оружіемъ, и не прежде изъ рукъ выпустили, пока не покрыли себя лаврами.

ГЛАВА IX.

Персы разбиты. Ѳемистоклъ усматриваетъ, что Аристидъ осматриваетъ мѣсто сраженія. Въ такомъ ли положеніи долженъ быть Аѳинянинъ послѣ сраженія, а особливо одержавъ побѣду? . . . . . Въ такомъ долженъ быть человѣкъ, отвѣтствовалъ Аристидъ; я вижу природу, мѣшающую слезы съ кровію, которая обагряетъ пѣну морскую, и правосудіе, исчисляющее сіи трупы, плавающіе въ пучинахъ.

нахъ. Мы побѣдители, но я воспрепе-
шалъ бы изъ любви къ Аѳинамъ, есть-
либъ хотя единый былъ жертвою другой
какой побудительной причины, а не спасе-
нія и защищенія нашего. Кажется я ви-
жу, что всѣ тѣни здѣсь погибшихъ окру-
жаютъ Ксерксовъ тронъ и испускаютъ не-
умолкно вопль: *Ты озлобилъ человѣчество,*
что вооружилъ насъ, и боговъ, что послалъ
насъ на погибель. Трепещи! наши братья
насъ оплакиваютъ; слезы ихъ суть предъ
небесами молитвы о мщеніи тебѣ за насъ;
а смерть ужасна тираннамъ.

Ксерксъ можетъ быть искалъ славы,
прервалъ Ѳемистоклъ . . . . . Славы?
Не раздражай боговъ: слава состоитъ въ
подражаніи имъ; нѣтъ другой, кромѣ сея,
которую тогда, когда творимъ добро, при-
обрѣтаемъ. Съ котораго времени стали
вмѣнять себѣ за славу ругаться природою?
Земель въ свѣтѣ столько, что люди не
могутъ всѣхъ обработать: пусть тѣ, ко-
торые не имѣютъ оныхъ, идутъ и при-
своиваютъ себѣ никому непринадлежащія.
Естьли слава соединена съ завоеваніемъ,
то съ таковымъ завоеваніемъ лавры
растутъ въ землѣ, которая удобряется
орудіе, исторгающее терніе, есть почтен-

ный

ный скипетръ; а тотъ, который держитъ его, божество, которому люди не могутъ воздать досподолжной чести.

Однако мнѣ весьма желалось, сказалъ Ѳемистоклъ, воспользоваться побѣдою и распространить ее даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи, пограничныхъ Европѣ. Случай весьма благопріятенъ: намъ бы токмо стоило какъ можно скорѣе пробраться къ Геллеспонту, прервать мостъ и показаться, и мы въ рукахъ бы имѣли сіи владѣнія. . . . . Не запятнавай славнаго дѣла несправедливыми предпріятіями, отвѣтствовалъ Аристидъ: думай токмо о томъ, какъ выгнать изъ Греціи непріятеля, которой потому, что разбитъ, не менѣе опасенъ, естьли будетъ запертъ. Кто долженъ побѣдить, или умереть, никогда не бываетъ слабъ. Принужденное защищеніе усугубляетъ силы, и Персы принуждены будутъ къ сему, естьли мы ихъ не изгонимъ.

Естьли война и завоеваніе такъ тебѣ ненавистны; естьли толь мало одобряешь наши успѣхи, для чего же ты не удостоилъ Спартянъ, которые давали убѣжище и хлѣбъ нашимъ женамъ и дѣтямъ? Для чего ты объявилъ Мардонію, что

что Греки будутъ вѣчно враги Персамъ? . . . . . Я очень вижу, что заблужденіе глазъ твоихъ завладѣло даже и душею твоею. Скажи мнѣ: много ли ты надеженъ, что наша слава ничего бы не претерпѣла, естьли бы послушались нашихъ сердецъ? Лакедемонъ хотѣлъ дополнить Аѳины и наши жашвы, которыхъ нѣтъ болѣе; во всякихъ другихъ обстоятельствахъ это было бы важно, но въ сихъ значило промышлять чувствованію и ничего не дѣлать для чести. Младенцы, просящіе хлѣба, и супруги отчаянныя, стоютъ воинства супруговъ и отцовъ, поражающихъ непріятелей ихъ. Естьли вольность есть выше всего, защищеніе оной безцѣнно, и всѣ средства суть тогда должности. Отвѣтъ, данной мною Спаршанцамъ, былъ для нашихъ женъ и дѣтей жестокъ; а данной Персамъ дышетъ мщеніемъ. Сему быть слѣдовало. Тогда наступала минута привести на память все, что ни имѣло твердости въ вольныхъ душахъ, коихъ слуху касался звукъ оковъ, имъ изготовляемыхъ. Не столько жестоко притти въ крайность, спасая вольность, нежели отважиться на ползаніе, желая явиться чувствительнымъ. Знаешь

ли

ли ты, сколько мы надѣялись на сіи частицы насъ самихъ? Ѳемистоклъ! ты не помышляешь о бремени узъ, намъ опредѣленныхъ. Насильствія, налоги, темницы, умножающіеся законы, небреженія всѣхъ правъ человѣчества, смерть, усилившаяся среди сихъ пытокъ: се жребій, нераздѣльный съ нашимъ разбитіемъ, и пропасть, въ которую бы мы попали! Можемъ ли мы возвысить гораздо болѣе цѣну удаленію толико бѣдственныхъ дней? Впрочемъ слава перенесенія. . . . . Я разумѣю, сказалъ Ѳемистоклъ, ты не хотѣлъ половину побѣдить. . . . . Удержись, отвѣтствовалъ грубо Аристидъ; я вѣшу геройство любовію къ отечеству. Какая мнѣ полза изъ того, что такое я буду у потомства? Да будутъ Аѳины щастливы, хотя бы имя мое изчезло. Не помрачать природы и отвращать безславіе, оную озлобляющее, есть все то, что даетъ безсмертіе. Кровь у меня замерзаетъ еще, вспомня состояніе невольника. . . . . Но не это меня паче всего огорчаетъ. Сіи три сына Сандокіи, принесенные въ жертву! Мы говоримъ о тиранахъ, мы причинили величайшее тиранство. Это безчестно для насъ. Мы не уважили ни священнаго

наго возраста младенчества, ни дряхлости, ниже священнаго имени матери, вопль испускающей. Увы! почто жертвенникъ паденіемъ своимъ не подавилъ жреца съ жертвами!

Надлежало посовѣтоваться съ небомъ, и потомъ почтить боговъ. . . . . О слѣпое предразсужденіе! вскричалъ Аристидъ. Величайшее злодѣйство и послѣднее изъ прощаемыхъ, или есть попраніе невинности и жалостныхъ правъ возраста и беззащитнаго состоянія. Возможно ли узнать волю небесъ неслыханнымъ звѣрствомъ? . . . . . Эвриптидъ говоритъ. Но дозволительно ли слушать языкъ душегубительный? Адская токмо наука учитъ умерщвлять людей. Гласъ неба не въ пролитой крови: боги творятъ, но не разрушаютъ. Человѣчество должно покоиться на слезяхъ, ведущихъ къ олтарю; а законъ, или вѣра, подпорою быть всякаго человѣка, нещастіемъ угнѣтаемаго. Когда бы жизнь сихъ невинныхъ содѣлала бы нѣчто къ нашимъ бѣдамъ, то должно ли намъ было бы дозволять, чтобъ они погибли для нашей пользы? Божеская воля была тысящу разъ озлобляема предвѣщателями; тысящу разъ небо внимало ихъ присягамъ;

ямъ; однако и предвѣщатели сіи и небо существуютъ еще. Несомнительное доказательство, что оно не повелѣваетъ умерщвлять невинныхъ, для того что оставляетъ въ живыхъ убійцъ, требующихъ смерти. Ѳемистоклъ! они въ заблужденіе приводятъ народъ: наша должность просвѣщить его. Легковѣрность сего является знаніемъ другихъ. Ихъ законъ есть злочестивая ревность и прикрытая корысть. Исполнили ли бы они такое свое служеніе, естьли бы они не были обманщики? Преступленіе, родившееся въ тѣни, долженствуетъ бѣгать предъ свѣтомъ: человѣчество дрожитъ при страшномъ видѣ хитрости. Естьли когда нужно, или позволительно было искать воли боговъ въ человѣческихъ чревахъ, то въ чревахъ обманщиковъ, говорящихъ, что должно совѣтоваться съ оною. Аѳиняне! боги, обожаемые страхомъ и почитаемые губительствомъ, не могутъ довольно быть проклинаемы. Какъ! небо требуетъ отъ людей почестей, и почести имъ воздаются тѣмъ, когда ихъ губятъ? Боги хотятъ, чтобъ ихъ любили, и они вдружаютъ кинжалы въ сердца? Въ Аѳинахъ ли должно терпѣть такое ослѣпленіе жрецовъ, и въ

ихъ ли такіе олтари должны быть созидаемы? Разсудокъ униженъ до такого степени, что уже вѣрятъ, будто глазъ человѣческой, будучи отверстъ для обозрѣнія свѣта, можетъ познать будущее, границы и разстояніе временъ, свойство и успѣхи произшествій. О Ареопагъ! естьли ты почитаешь сіе разсудкомъ, теки и перемѣнись онымъ съ лѣсными жителями. Довольно сего; ибо давно уже мы сдѣлались преступниками, боясь, дабы не показаться ими. Дабы кончить и не быть болѣе таковыми, очистимъ нашу священную отъ сихъ клятвопреступниковъ, да займутъ мѣста ихъ люди, которые бы насъ научили быть человѣколюбивыми для содѣланія себя благочестивыми. Мы дѣти, а не рабы боговъ: слезы и стонъ нашъ да будутъ знаменіемъ изгнанія изъ посвященныхъ имъ храмовъ тѣхъ, которые причиняютъ ихъ.

Когда Аристидъ кончилъ рѣчь, Клисоенъ сказалъ ему: вы забываете, что насъ ожидаютъ обѣдать въ моемъ саду; пора пройдетъ, когда мы придемъ туда.... А! ты правду говоришь, отвѣтствовалъ Аристидъ, смотря на солнце; оно означаетъ

чаетъ часы, но не дѣлаетъ ихъ продолжительнѣе. И не мѣшкавъ отправились.

Меня по кожѣ драло, когда приносили на жертву сихъ нещастныхъ, сказалъ Клисоенъ, продолжая путь. Ты болѣе придалъ силы природѣ, и сдѣлалъ, что ея вопль сталъ пронзительнѣе для меня, а поступокъ Эвфранпида ужаснѣе; но боги могутъ ли имѣть какія препоны? . . . Другъ мой! прервалъ Аристидъ; боги не суть тираны: жалость не можетъ быть преступленіемъ; религія не дѣлаетъ неумолимымъ. Когда я вижу свирѣпый взоръ мещущихъ, пламенный, смущный и страшный видъ дѣлающихъ нашихъ божественниковъ: я ужасаюсь и трепещу отъ страха, чтобъ боги, покровительствующіе намъ, не отмстили Аѳинамъ за причиняемыя нами озлобленія. Первая изъ должностей, налагаемыхъ ими людямъ, есть любовь къ человѣчеству.

Мы иногда охотно слѣдовали ихъ прореканіямъ. . . . . Я то знаю; народу должно сіе дѣлать до самаго того времени, пока здравой разсудокъ не изгонитъ предразсужденій; но надлежитъ ли съ громомъ въ рукахъ открывать ему истину? Надлежитъ ли, чтобъ сіе открытіе

стоило жизни невиннымъ и добродѣтели для приданія ревности? И когда то было, первое благо народа есть правосудіе, слава занимаетъ второе мѣсто. Не народъ, котораго брать надлежало судіею, во зло употребляется; но небо, здравой разумъ, природа и наши грызѣнія, предшествующія суду ихъ. Я повторяю, Клисѳенъ: естьли наши боги могли требовать подобныхъ жертвъ, цѣлой моей жизни недовольно для заглажденія сего злодѣянія, что я имъ отдалъ божескія почести. Вмѣсто того, чтобъ учить народъ страшиться боговъ, научимъ его любить ихъ и познавать цѣну добродѣтели; честь изліетъ на него силу и забвеніе бѣдствій. Кто умѣетъ умирать, умѣетъ попирать опасность; а сей наукѣ обучаться должно въ училищѣ здраваго разсудка: жрецамъ нечего въ ономъ дѣлать. Кто идетъ драться, положившись на ихъ прореканія, всегда тотъ повинуется бѣшенствующему, а часто и душегубцу, числящему то токмо, какая ему польза отъ его обмана.

Знаешь ли ты, какъ опасно вызывать сихъ господъ? .... Конечно, другъ мой, знаю; но въ моей жизни довольно помраченныхъ дней, не должно также провесть

весть оставшіеся. Священнѣйшее ученіе есть спасать людей. Долженъ ли я принесенъ быть въ жертву? Я получу награжденіе; слава будетъ о мнѣ гласить. . . . . А какая слава? прибавилъ Клисѳенъ. . . . . Та, что я вѣщалъ истинну, прервалъ Аристидъ. О когда бы она возводила отъ сна Аѳинянъ, и вложила бы въ сердца ихъ стыдъ и грызѣнія! . . . . . Ты найдешь многихъ глухихъ и неблагодарныхъ, прежде нежели увидишь, что желанія твои исполняются. . . . . Пускай и такъ; но дѣлать себѣ другихъ неблагодарными, значитъ уподобляться небу; презрѣніе, оказываемое дарамъ онаго, не препятствуетъ ему изливать ихъ.

Ты терпишь даже за самое свойство благодѣяній. . . . . Я ничего не увеличиваю, Клисѳенъ; человѣкъ благодѣтельный, который бы возмогъ думать привлечь къ себѣ своими благодѣяніями, заслуживаетъ быть обманутъ. Скажи мнѣ, другъ мой! дѣти и жены не обманывали ли тебя иногда въ твоей надеждѣ? Однако за то ты не перестаешь питать первыхъ; да и ты самъ, ты самъ себѣ выбралъ изъ многихъ въ супругу. Перестаютъ ли бороться съ волненіями морскими по кораблекрушеніи?

Примѣчай, когда мы дошли до той статьи, то должно мнѣ объявить тебѣ чувствуемое. Не разливать благодѣянія для того, что за то ничего не получаютъ; разливать оныя, дабы заплаченнымъ быть, есть оправдывать дѣло неблагодарныхъ, для того что они не тогда красѣютъ, когда бываютъ неблагодарными, но тогда, когда не могутъ быть таковыми. Свойство добраго сердца, искать добраго человѣка, имѣя тысячу неблагодарныхъ. Какое бы благо оставалось дѣлать многимъ, естьли бы никому въ обманъ не дались? Когда бы я отчаялся найти благодарнаго человѣка, то лучше бы согласился ни отъ кого не принимать благодѣянія, нежели кому дѣлать оныя. Тотъ, которой никогда не дѣлаетъ, равно виненъ съ неблагодарнымъ. Дѣлать добро, се добродѣтель!

И такъ, говоритъ Клисѳенъ, равное заблужденіе не умѣть кому дѣлать, ниже принимать благодѣянія? . . . . . Это такъ справедливо, отвѣтствовалъ Аристидъ, что естьли бываютъ благодѣянія, оказанныя въ корыстолюбивыхъ намѣреніяхъ, то они становятся правомъ роста, несправедливо пріобрѣтеннаго. . . . . Знаешь ли ты, для чего неблагодарность

есть толико общая вещь? Для того, что не дѣлаютъ добра по выбору достойнымъ, и что не дѣлаютъ благодѣянія, но слѣпо бросаютъ.

Но когда кто не въ силахъ за себя возблагодарить, чѣмъ платить тогда? . . . . . Признаніемъ, что онымъ обязанъ. Тотъ, который не удовольствуется симъ, будетъ толико же презрителенъ, когда потребуетъ, какъ и тотъ, который не признаетъ: не признавать благодѣяній толико же подло, какъ и укорять оными. . . . И такъ правила какъ для благотворителя, такъ и для обязаннаго равно строги? . . . . . Такъ должно, прервалъ Аристидъ.

Признательность должна сразмѣрна быть расположеніямъ благотворителя столько же, сколько свойству благодѣянія. Естьли бы я отъ тебя потребовалъ услуги, другъ мой, и когда бы ты долго откладывалъ обязать себѣ меня, знаешь ли, что бы я тебѣ сказалъ? . . . . . Какъ! . . . . . Сколько времени тебѣ потребно было захотѣть? Что-жъ бы еще было, когда бы ты притомъ показалъ жестокость, или еще и обиду? Много было бы простить твое благодѣяніе тебѣ. . .

А въ этомъ состоитъ средство, употребляемое тобою къ привлеченію враговъ, которыхъ ты оковами сцѣпляешь? Клисѳенъ! благодѣянія долженствуютъ возвѣстить побѣду нашу: варвары разсѣваютъ ужасъ; Аѳинянамъ должно пожинать любовь.

Добрая плата твоимъ завистникамъ, говоритъ Клисѳенъ; между нами сказано, Ѳемистоклу нечего жаловаться. Другъ мой! ты меня хочешь извѣдывать? Или не вѣдаешь, что есть иройская невинность, равномѣрно какъ и мужество? Я не радѣю о томъ, чему подвержены бываютъ обыкновенно невинные, и оно можетъ быть есть тонкость мщенія. Для униженія Ѳемистокла я принуждаю его соединиться съ нашими согражданами для возблагодаренія боговъ за мои совѣты и дѣйствія; симъ образомъ мщеніе подданнаго еще полезно государству. Въ опасностяхъ и упадкѣ правленія есть точка, на которой паденіе онаго неизбѣжимо; я не хочу онаго дѣлать. Двухъ смѣльчаковъ въ Сенатѣ съ *прожорливымъ* Ѳемистокловымъ тщеславіемъ довольно къ смятенію Аѳинъ. Какъ бы великъ тронъ ни былъ, не можетъ держать двухъ властей; токмо престолъ право-

правосудія можетъ и требуетъ быть занятъ толикимъ числомъ Царей. Не ползаютъ по ступенямъ онаго; по онымъ должно восходить какъ владѣльцамъ: и се одинъ, которой хочу, чтобъ былъ мнѣ отверстъ!

Я тому вѣрю, сказалъ Клисѳенъ; но для прославленія себя должно ли быть отмѣнаго нрава?..... Столько надобно, чтобъ быть правосуднымъ, прервалъ Аристидъ: вотъ что меня печалитъ. Правосудіе есть рука, заглаждающая имена, посвящаемыя потомствомъ славѣ, или вѣчному позору. Земля менѣе имѣетъ героевъ, нежели небо боговъ; однакожъ она прославляетъ гораздо легче, нежели какъ боги признаютъ ея справедливость. Тысячу средствъ всякой имѣетъ сдѣлать себѣ имя, и пожертвовать всѣмъ, даже до самой добродѣтели, не есть послѣднее: быть справедливымъ одно токмо есть то, что быть добродѣтельнымъ.

Вотъ, сказалъ Клисѳенъ, законъ естественный въ дѣятельности! Чѣмъ болѣе тебя слушаю, лучше вижу его очищенна въ кротской и прямѣйшимъ еще чувствомъ правимой душѣ. Ты измѣряешь время его дѣлами, и живешь весь со-

вершенно душею. . . . . Я весьма чувствую пропитное, отвѣтствовалъ Аристидъ; я голоденъ, я вижу, что ты хочешь принудить меня купить обѣдъ. Едва ли я не заплачу за него безъ всего; но ты не созданъ для униженія божественной сущности дружества, да и я не для того, чтобы почитать сѣнію уныки почтенныхъ гнѣздъ онаго.

ГЛАВА X.

Ночь, объятая своими тѣнями, начинала покрывать землю, какъ Аристидъ и Клисѳенъ удалились. Величественная тишина наступала вмѣсто дневнаго волненія, и вселенная казалась всеобщею храминою, въ которую боги призывали людей къ воздавію себѣ почестей. Наполненны будучи сими благочестивыми мыслями, и бывъ тронуты сказаннымъ собою о дружествѣ и горячности, Аристидъ и Клисѳенъ остановились при подошвѣ нѣкоего древа, дабы дать свободное теченіе мыслямъ, занимавшимъ тогда ихъ души. Едва прошло нѣколько времени, услышали они человѣка, хотѣщаго говорить, но слова коего, прерываемыя

емыя вздохами, не находили голоса для объясненія себя. Они приближались: имена Аѳинъ, Ремоботовъ и Герофантовъ выходили съ перерывистымъ духомъ изъ сихъ жалостныхъ устъ; наконецъ хлипаніе горшани дало мѣсто выраженіямъ. Сей нещастный говоритъ вразумительно: „На „семъ мѣстѣ упадаетъ завѣса, покрывающая явленія, играемыя въ жизни, и на „семъ мѣстѣ оканчивается театръ міра. „О боги, судіи смертныхъ! естьли васъ „прогаютъ слезы нещастныхъ, для чего „сохраняете свѣтъ дней моихъ, почти „увядшихъ? Я попираю гробъ моей су„пруги: размѣрьте его, и дайте въ немъ „мѣсто безполезному землѣ супругу. А „ты, природа! ты, содѣявшая меня отцемъ „трехъ сыновъ! помоги мнѣ умолить небо „броситься на стрѣлы, напрягаемыя про„тивъ хотѣвшаго повергнуться между „нищетою и мною. Ахъ, супруга! что „ты сдѣлала? Ремоботы! Прости, ... „я возмущаю твой прахъ. О когда бы ты „могла отверзти могилу, прежде времени „тебѣ ископанную твоею проступкою!„

При сихъ словахъ Аристидъ и Клиѳенъ показались. Они нашли старца, на колѣняхъ стоящаго и имѣющаго разбитые

волосы и руки, удрученныя лѣтами, и къ небесамъ воздѣтыя. Они вопросили о причинѣ его горести.

Вы не можете оной облегчить, отвѣтствовалъ старецъ; что бы вы могли сдѣлать съ Ремоботами и Іерофантами? Мнѣ остается токмо кончить животъ, оставивъ гонимому ими сыну моему горести и вздохи. . . . . А за что они его гонятъ? . . . . . Увы! за то, что они раздражены. Обольщенъ и обманутъ будучи земными звѣздами великой религіи и совѣтами супруги, я присоединилъ къ нимъ сына, дабы принудить, чтобъ они его приняли; я продалъ двухъ воловъ и удѣлилъ часть имѣнія своего. Они отправили его въ Заисъ, гдѣ Солонъ нашелъ его записи о Аѳинахъ; хотя они принудили его клясться въ томъ, что онъ не принадлежитъ болѣе мнѣ; мои родительскія попеченія туда за нимъ послѣдовали, я доставлялъ ему нужное, и даже платилъ наставникамъ, которые учили его божественной наукѣ. Природа, которая сильнѣе имъ дѣйствовала, нежели ихъ законы, запрещавшіе ему мнѣ помогать, привела его въ трепетъ, когда онъ вспомнилъ вещкость дней моихъ. Онъ добивался,

чтобъ

чтобъ его перевели къ Іерофантамъ, у которыхъ религія, не такъ строгая, сколько просвѣщенная, можетъ дозволить ему раздѣлить со мною кусокъ хлѣба. Великій жрецъ, который яко истолкователь воли боговъ, узаконяетъ его туда посланіе; подражая ихъ благотворенію смертнымъ, позволяетъ ему. Онъ извлекъ его отъ Ремоботовъ, и возвращая его мнѣ на руки, велѣлъ Делоскому жертвоприносителю быть отцемъ. Но сей жертвоприноситель, хотя великой человѣкъ и гражданинъ, по совѣту Ремоботовъ забываетъ священныя права великаго жреца, причиняетъ мученія и изгоняетъ мое дитя, отрекшись принять его, и посылаетъ меня медленнымъ путемъ къ смерти, угнѣтая его.

Но не верьховный ли начальникъ богослуженія великій жрецъ? . . . . . Такъ, и въ религіи силенъ, какъ и боги, даетъ власть нижнимъ жрецамъ; онъ ничего не можетъ безъ воли тѣхъ, которымъ онъ даетъ власть. . . . . Я не понимаю сего, сказалъ Аристидъ. . . . . А я нещастной дѣломъ извѣдываю, сказалъ старецъ: права, законы, природа, религія, все превращается злочестивымъ

вымъ рвеніемъ быть съ нашими притѣснителями. . . . . Сіи Ремоботы имѣютъ можетъ быть причины, которыхъ вы не знаете? . . . . . Имѣютъ, то меня и огорчаетъ, отвѣтствовалъ старецъ: мой сынъ былъ Ремоботомъ, но не былъ Ремоботъ.

Нещастный старецъ! прервалъ Аристидъ: поди къ Делоскому жертвоприносителю; я его знаю, онъ человѣкъ: не возможно, чтобъ онъ тебя выслушавъ, не почувствовалъ скорби. . . . . Я тому вѣрю, отвѣтствовалъ старецъ; но какъ я могу имѣть къ нему доступъ? Онъ великъ, а я ничто предъ нимъ. Когда бы два сна лѣтъ службы его предшественникамъ напередъ слѣдовали предъ моими нуждами у дверей его, можно ли, чтобъ отворилъ оную сынъ верьховныхъ судей Рены?

Какъ! вскричалъ Аристидъ съ удивленіемъ: ты Ликомедъ? Ты тотъ, коего дѣдовъ и родителей я благословилъ, когда дѣлалъ смотръ касательно до налоговъ? Ты тотъ, коего ближайшій родственникъ бдитъ по нынѣ надъ выгодами Делоскаго жертвозаклателя и пользою государства? . . . . Я самой, сказалъ старецъ,

рецъ, бросившись на руки къ Аристиду. О Аристидъ! говорилъ онъ ему, я могъ тогда плакать; я былъ тогда половину только нещастливъ, мнѣ оставались еще супруга и надежда. Нынѣ все изчезло, и первое облегченіе, кое нашелъ я въ моей горести, есть разговоръ мой съ Аристидомъ на могилѣ супруги моей.

Сіи слова перестали стѣснять сердце Аристидово и Клисѳеново. Они обняли сего старца, и отведши въ его уединенную палатку, возвратили ему, сколько можно было, надежду. Все слышанное ими проняло въ нихъ жалость и приводило въ ужасъ. Они всю ту ночь не спали, проводивъ оную неразлучно и въ разговорахъ.

Я думаю, говоритъ Клисѳенъ, что человѣческое сердце имѣетъ жилу, со всѣми другими жилками имѣющую сообщеніе, и которая электризируется чувствами въ самую минуту стѣсненія онаго. . . . . Должно быть сему, сказалъ Аристидъ; однако нѣтъ: мы слышимъ доказательство, что всѣ люди не имѣютъ души. . . . . Развѣ религія причиняетъ стонъ природѣ? Другъ мой! ты тамъ принимаешь злоупотребленіе имѣсто религіи. Дело-

лоской жертвозакладатель, притѣсняя сына престарѣлаго сего человѣка, дѣлаетъ болѣе для оной, нежели сколько ты думаешь. Естьли онъ причиняетъ печаль отцу и сыну, ты думаешь, что онъ выходитъ изъ границъ, и что онъ мститъ за Ремоботовъ, повинуясь ихъ совѣту. Истинна, шествующая медленно, имѣетъ многія стези къ окончанію пути.

Не лучше ли бы простерть руку къ требующимъ у него помощи? . . . . Ему сіе должно бы было сдѣлать какъ для того, что онъ предсѣдитъ въ святилищѣ, такъ и для того, что онъ начальникомъ въ Делосѣ. Онъ бы и сдѣлалъ то, но. . . . . Клисѳенъ! я люблю спокойствіе. . . . . Ты долженъ говорить правду. . . . . Конечно, когда я говорю; здѣсь я могу молчать. . . . . Дѣло идетъ о нещастномъ; молчаніе есть преступленіе. . . . . Изрядно! я думаю, что оно того стоитъ въ Делоскомъ жертвоприносителѣ; но онъ огорчилъ бы невѣждъ, когда бы открылъ ихъ гнусность; онъ уязвилъ бы злыхъ, когда бы сдернулъ мазку, покрывающую ихъ подлую душу; онъ прогнѣвалъ бы въ отчаяніе лицемѣровъ, когда бы явилъ свѣту завѣсу ихъ сердца

и

и исчисленіе ихъ бѣшенствъ; а всѣ сіи люди не прощаютъ. Другъ мой! ненавидящіе правду ненавидятъ вѣщающихъ оную и слѣдующихъ ей. Тебѣ знакомъ сей Хаоніанинъ, родомъ изъ Корциры, которой безстыдно къ унижаемому имъ священству присообщаетъ знакъ и титло воина, купленное имъ и терпимое въ Аѳинахъ, какъ терпятъ убійцъ, которыхъ должно опасаться, а избавиться не можно. Сей есть врагъ нашего старца, его сына. Довольно ли тебѣ сего?

Такимъ образомъ, говоритъ Клисѳенъ, нещастнымъ должно мучишься для того, что могущіе имъ помочь однимъ словомъ не имѣютъ силы произнести оное. . . . . Ты не разумѣешь меня, прибавилъ Аристидъ: когда кто къ нещастію своему сообщилъ тайну злому человѣку, онъ связываетъ сею тайною, и сія цѣпь разрывается съ большею трудностію, нежели всякія желѣзныя цѣпи. Лучшее же изъ сего, дѣлаетъ мало помалу безполезными такой руки людей; ихъ удерживаютъ въ вѣрности собственнымъ однимъ ихъ любогубительствомъ.

Сія поступка благоразумна; но еще я повторяю, она не облегчаетъ жребія ще-

щастныхъ. . . . . Другъ мой! говоритъ Аристидъ: не думаешь ли ты, что естьли бы Сенатъ сбошелся такъ со мною, то я не имѣлъ бы причины большей утѣшаться? Подданный страждущій менѣе страждетъ, когда онъ убѣжденъ, что рука, висящая надъ нимъ, не касается сердцу вышняго утѣшающаго, но страстямъ, водящимъ оною. . . . . Можетъ быть, прервалъ Аристидъ; но гдѣ средство убѣдить себя въ томъ? . . . . Въ превосходствѣ, сказалъ Аристидъ. Сенатъ и Самодержецъ суть толико мочны, а подданный толико безсиленъ, что по крайней мѣрѣ естьли сіи послѣдніе не будутъ шигры, не можно предполагать въ нихъ варварскаго удовольствія мучить. Ненависть, мщеніе, частное, или личное, унизили бы ихъ до такой степени, до которой законы почитали невозможнымъ дойти; для того что они ничего не положили на ихъ безславіе. Можетъ быть также они предполагали, что нѣтъ казней для того, которой даже самаго презрѣнія не заслуживалъ. Впрочемъ, находящіеся въ такомъ положеніи не вѣдаютъ ни пользы своей, ни истиннаго удовольствія. Утѣшать, помогать, обязать нещастнаго, есть

наслажденіе благотворенія и преимущество человѣка въ силѣ.

Прибавь къ тому и пышныя титла покровителя и властителя. . . . . Боги да предохранятъ меня отъ нихъ. Другъ мой! вспомоществующій долженъ благословлять небо за то, что оно, содѣлывая его хранилищемъ блага и общихъ нуждъ, дало ему средство сдѣлать себѣ друзей ничѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ своего долга. . . . . Се правила! онѣ проникли во внутренность мою; но кто по оныхъ поступаетъ и какое къ сему средство? . . . Я и разсудокъ, отвѣтствовалъ Аристидъ. Сей дѣлаетъ съ собою размышленія, и ведя къ вещамъ, а не мнѣніямъ, не столько принуждаетъ уповать, сколько познавать; и болѣе вѣситъ, нежели судитъ. Когда я былъ употребленъ въ публичныхъ дѣлахъ, я дѣлалъ для гражданъ то, что я во всемъ стараюсь дѣлать для себя: я во всемъ храню независимость души моей, и не хочу быть ни рабомъ, ни судіею мнѣній другаго. Оставаясь въ равномъ разстояніи отъ возмущеній и рабства, стараюсь отличать, что отъ человѣка и что отъ природы; не думаю, чтобъ все было заблужденіе, или

все истинна. Люблю добродѣтель для своего щастія, и стараюсь ей слѣдовать для пользы другихъ; она мнѣ помощникъ. А чтобы мнѣ то заслужить, всегда буду предметомъ волнованія страстей, болѣе нежели соучастникомъ ихъ подлости. Сердце мое прилѣплено къ людямъ любовію; и естьли бы мнѣ досталось ими повелѣвать, я бы привлекъ ихъ къ себѣ благодѣтельствованіями.

Они бы властію съ тобою были связаны, отвѣтствовалъ Клисѳенъ. . . . . Другъ мой! говоритъ Аристидъ, узы сильнѣйшаго имѣютъ время, узы милосердія суть вѣчны. Можно обвинить безчеловѣчіемъ, или жестокостію всякаго, хотя то употребляютъ только первые. . . . . Я того не знаю: я всегда почиталъ людей много, и не боялся ихъ, и иногда былъ довольно щастливъ, что доказалъ въ очахъ Аѳинъ и нашихъ враговъ. Я находился въ такихъ обстоятельствахъ, что казалось, будто хотѣли, чтобъ я сдѣлался жестокъ, а я былъ токмо строгъ, и строгость моя зависѣла болѣе отъ мѣста, нежели отъ меня собственно. Мнѣ никто не дѣлалъ укоризнъ, ни затрудненій, и я не раскаявался. Въ иныхъ обстоятельствахъ

ствахъ я на все дерзалъ, когда не оставалось болѣе никакой надежды, и являлся спокойнѣе по мѣрѣ приращенія опасности, и симъ я не мало выигрывалъ. Но я никогда ни на что не надѣялся, естьли когда болѣе полагался на власть свою, нежели на тихость. Человѣкъ, занимающій публичное мѣсто, всегда щастливъ, когда онъ почитаетъ нещастіемъ не пособить злощастному, каковъ бы онъ ни былъ и каково бы злополучіе его ни было. ---- Возвратъ дня отозвалъ сихъ двухъ великихъ мужей на дѣла ихъ, и они разошлись.

ГЛАВА XI.

Они не долго пробыли въ разлукѣ: въ тотъ же вечеръ пришелъ Клисѳенъ къ Аристиду, и подтверждаетъ ему о разнесшемся вездѣ слухѣ, что Мардоній вторично приближается къ Аттикѣ, и идетъ наказать Аѳины за то, что онъ и Персы возвратились въ Сузу съ знаками превосходства вольнаго народа передъ невольнымъ. Ксерксъ, говоритъ Клисѳенъ, дѣйствительно рабъ злата и гордости. Я всегда приходилъ въ удивленіе, что Само-

держецъ, которой, алкая къ войнѣ, питается кровію, можетъ найти другихъ Министровъ и другихъ воиновъ, кромѣ тѣхъ, кои въ состояніи ему жертвовать имъ самимъ. . . . . Остановись, отвѣтствовалъ Аристидъ; допустить пасть съ главы коронѣ, каковъ бы ни былъ носящій оную, есть злодѣйство; хотя бы былъ скиптръ и желѣзной, однако рука, управляющая онымъ, есть священна. Онъ есть даръ небесъ, когда кто не преступленіемъ досталъ его себѣ; и нѣтъ власти, кромѣ Божеской, которая бы могла уничтожить его права. Знаешь ли ты, для чего конецъ войны у Персовъ служитъ знакомъ другой войны? Для того, что немощь, каковою они теперь одержимы, воспротивиться роскоши и обязательствамъ ихъ, принуждаетъ ихъ избавиться отъ того разрушительнымъ путемъ вольности подданнаго и Царской силы. Когда кто невѣжествуетъ и вознерадитъ столько, что не станетъ растворять земли и искать въ ней пропитанія и богатства, какъ-то естественно послѣдняго желаютъ, ни мало не думая, идутъ искать оныхъ и драться для собранія ихъ на поверьхности. У нихъ есть художества, коими мы одолжены

нуждѣ;

нуждѣ; но удобряемыя печальнымъ и плачевнымъ свѣтомъ рабства, носятъ знаки своихъ удобрителей и дѣлаютъ подобно себѣ унылою землю, которую имъ надлежало токмо украшать Аѳинская торговля, рачительность Коринѳская, Спартанскія права, стада Аркадскія, преимущества Греціи, всегда возбуждать будутъ зависть всякаго рабскаго народа, и всѣ тѣ народы, которые не имѣютъ довольной твердости подражать оной, будутъ желать, или покушаться завоевать ее.

Персы, дабы скрыть свой стыдъ отъ самихъ себя, не удостоиваютъ сдѣлаться учениками тѣхъ, которые заслуживаютъ быть ихъ учителями. Другъ мой! се невѣжество, когда ничего не знаешь и не стараешься учиться. Поздравимъ себя, что имѣемъ драгоцѣнныя сѣмена наукъ и художествъ; онѣ суть сѣмена величества души и блаженства, когда будутъ процвѣтать для истинны и добродѣтели. Мы то можемъ сдѣлать; время всегда пріятно и воздухъ благорастворенъ, токмо бы тѣ, въ коихъ рукахъ узда государственная, орошали ихъ и удобряли, или по крайней мѣрѣ покровительствовали

бы о семъ пекущихся. Естьли ты требуешь сему доказательства, иди ко гробу Самодержца, друга наукъ: ты найдешь на ономъ науки и художества, оплакивающія его, и гонимое благодеяніе взываетъ къ нему, что онъ утвердилъ оное. Блаженство подобно солнцу: по нѣсколькихъ ясныхъ дняхъ уклоняется, такъ сказать, и умираетъ.

Были и тиранны страстны къ наукамъ и художествамъ, говоритъ Клисѳенъ. . . . . Вѣрю, прервалъ Аристидъ, хотя въ семъ случаѣ соперникъ почитается толико неопаснымъ, какъ и Претендентъ имперіи. Ученаго тиранна менѣе бояться должно, нежели невѣжды. Естьли онъ вредитъ наукамъ, тѣмъ менѣе вредитъ мучимому имъ нещастному.

И такъ науки и просвѣщеніе рѣдки въ деспотическомъ правленіи? . . . . Просвѣщеніе можетъ ли быть тамъ, гдѣ инстинктъ, покорность и казнь суть равной удѣлъ человѣковъ и звѣрей? Гдѣ правъ природы и человѣчества нѣтъ въ правилахъ, тамъ, другъ мой, знаніе опасно, а подражаніе бѣдственно. Умствовать значитъ расторгивать правленіе, въ

коно-

которомъ воспитаніе влагаетъ страхъ въ сердца, а въ поведеніи рабство.

Но куда влекутъ меня размышленія о бѣдствіи, коего намъ нечего опасаться? Оставимъ, другъ мой, пускай варвары унижаются и щитаютъ игрою отравлять дни свои ядомъ. Естьли истинна прельщала ихъ сердца, то было то для растерзанія ихъ. Посѣмъ кстати, удобримъ съ терпѣніемъ; время принесетъ плоды. Персы угрожаютъ намъ; помыслимъ еще единожды о защищеніи себя. Бѣдамъ противиться есть надежное средство удалить оныя. Унижаются отчаяніемъ и унынiемъ. Не довольно намъ почтить себя великимъ именемъ гражданъ міра: не отречемся отъ отечества; мы будемъ болѣе того, кто онаго не имѣетъ; умножимъ славу Аѳинъ въ поношеніе Сузѣ.

Сенатъ въ превеликомъ теперь безпокойствѣ, говоритъ Клисѳенъ; я боюсь, чтобъ многіе изъ Сенаторовъ не согласились купить миръ и нашу вольность. . . . . Я того же опасаюсь не менѣе тебя, другъ мой; но не должно уступать бурѣ, постараемся привесть въ бодрость тѣхъ, которыми овладѣлъ страхъ. Естьли мы ихъ оживимъ, честь учинитъ остатокъ.

Легко будетъ увѣрить ихъ, что платить за вольность есть быть невольникомъ, и что тотъ ползаетъ подъ узами, кто разторгаетъ ихъ золотомъ.

ГЛАВА XII.

Страхъ Аристида и Клисѳена былъ основателенъ. Нѣкто Коринѳянинъ, странствовавшій по Персіи, увѣдомилъ о расположеніи сего государства; онъ самъ видѣлъ военныя пріуготовленія, украшенія военныя и вооруженія сего народа противъ Аѳинянъ; палаты Ксерксовы, ихъ убранство, Царскую пышность и роскошь велможескую. Судя о власти по наружному блеску, а о народѣ и имперіи по Дворцу, и измѣривъ все по наружности и пышности, пришелъ устрашить Аѳинскихъ вельможъ, которыхъ велѣніе оглушить могло, а злато побѣдить. Аристидъ позвалъ его предъ народъ и Сенатъ, и сказалъ ему: Что ты пришелъ къ намъ разглашать о Сузской силѣ, когда она спитъ? Или ты думаешь, что и силу и мужество покупаютъ такимъ же образомъ, какъ домовыя украшенія и вооруженія, кои ты зрѣлъ?

Читалъ

Читалъ ли ты на Ксерксовомъ тронѣ, что честь воздвигла его, а добродѣтель подкрѣпляла? Видѣлъ ли ты, что Государь занимается всякое утро чтеніемъ сего? Я встрепеталъ бы отъ ужаса, естьли бы стали благодарить тебя за то, что ты ихъ предупредилъ. Но Дворъ, въ которомъ продаются и покупаются достоинства и провинціи, а вельможи толико подлы, что занимаютъ мѣсто Государевыхъ щетчиковъ и народныхъ кровопійцъ, не болѣе внушаетъ страха, какъ и почтенія. Ступай, естьли ты не хочешь краснѣть отъ своихъ путешествій; ступай и скажи въ Коринѳѣ, что народы научили тебя, что люди, сидящіе на златѣ, суть еще въ пыли; а тѣ, кои умствуютъ, суть на небесахъ. Особливо не забудь тебѣ же въ честь возвѣстить, будто ты примѣтилъ, что могущественнѣйшій народъ есть тотъ, которой знаетъ добродѣтель; а благополучнѣйшій есть тотъ, которой творитъ оную.

А вы, Аѳиняне! продолжалъ онъ, обратившись къ Сенату и народу, не будьте толико женоподобны, и не премѣняйте понятій вашихъ о чести и мужествѣ на понятія о нѣгѣ и бездѣйствіи. Сей Коринѳя-

ѳянинъ въ разсужденіи Грека весьма безсиленъ; ибо онъ не былъ въ состояніи опредѣлить настоящую цѣну пышности Персидской и презрѣть оную. Естьли когда онъ станетъ человѣкомъ, онъ будетъ краснѣть, что не раздраженъ былъ на оную. Успокоимся, токмо не на шелковыхъ перинахъ. Умножаютъ ли нашу скорбь стѣны наши, и не лучше ли украсить ихъ нашими исторіями и великими дѣлами, нежели покрыть шелкомъ и пурпуромъ? Повѣрьте мнѣ, естьли бы богатства могли сдержать дряхлость и смерть, и спримишь удрученныя лѣтами тѣлеса, то бы не владѣла оными Персія изключительно предъ Греціею. Ежели бы златые сосуды давали безсмертіе, то бы тѣ, которымъ извѣстно свойство и цѣна сего, которые, дѣлая оные, презираютъ другихъ, первые бы употребляли ихъ; а тѣ, которые употребляютъ оные, не правили бы оными, какъ развѣ подъ повелѣніемъ.

Требуется чего-то лучшаго, нежели тронъ и земли, для содѣланія человѣка блаженнымъ и безсмертнымъ. Естьли съ оными есть такіе, которые живутъ въ такое время, когда ихъ нѣтъ: то ихъ

жизнь

жизнь весьма походитъ на мечту и не заслуживаетъ обѣтовъ. Варвары довольствуются имѣніями и златыми оковами; сохранимъ честь и не устрашимся ихъ. Всегда легче избѣжать оныхъ и предупредить, нежели разторгнуть. Все родилось въ рукахъ нашихъ отцевъ, а въ нашихъ все получаетъ совершенство; все погибнетъ, естьли мы потеряемъ мужество. Персы знаютъ насъ только для того, чтобъ завидовать намъ и драться. О Аѳиняне! естьли бы они насъ покорили себѣ, то покой, которой бы отъ нихъ былъ намъ данъ, превратился бы въ поношеніе, или гибель. Деспотство унижаетъ пламенныя дарованія и уничижаетъ родъ. Наши отцы, выходя изъ Финикіи и Египта, принесли съ собою оттуда мудрость и свободу. Воззрите на все окружающее васъ: они сотворили даже и воздухъ, которымъ мы дышемъ. Слава протекшаго времени намъ принадлежитъ. Дабы сохранить ее, посмотримъ на грядущіе вѣки; воззримъ на позднѣйшихъ нашихъ потомковъ, воздымающихъ руки свои къ небесамъ и благодарящихъ оныя, благословляя насъ за то, что нашли блаженство въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ,

стахъ, гдѣ природа нѣкогда, краснѣясь, встрѣчала унижавшихъ ее людей.

Намъ, продолжаетъ онъ съ большимъ жаромъ, обратившись къ Сенату, намъ должно показать себя истиннымъ святилищемъ чести. Я то часто говаривалъ въ мирное время. Мы равно обязаны направлять мышцы, удаляющія враговъ отъ предѣловъ нашихъ, и хранить нравы, изгоняющіе пороки изъ стѣнъ нашихъ. При наступленіи сей войны ощутительно есть, коликой важности то, чтобъ воинъ покоился въ палаткѣ и пріобыкалъ ко временамъ годовымъ и трудамъ. Люди, открывающіе сообщеніе одного владѣнія съ другимъ, въ мирное время открываютъ гораздо удобнѣе себѣ путь сквозь непріятеля. Всѣ телѣжки земледѣльческія и перевозки, всѣ животныя, влекущія ихъ, всѣ вещественные, ведущіе сихъ, суть всѣ мстители, сохраняемые противу непріятеля. Тогда земледѣлецъ и воинъ познаютъ себя братіями; любовь соединяетъ ихъ, какъ и подвиги; миръ не истощаетъ мужества: упованіе на честь и награжденія питаютъ чувствованіе славы. Симъ образомъ граждане живутъ для того, чтобъ или питать государство, или, защищая

оное,

оное, умереть. Одинъ мирный вѣкъ могъ оставить безстрашныхъ умовъ народу, который бы былъ благонравенъ и дѣйствующъ. О Сенаторы! посмотрите на варваровъ: для чего мы ихъ побѣдили два раза? На чемъ основывается наша надежда, что мы ихъ побѣдимъ и въ третій разъ? Развѣ на томъ, чтобъ чрезъ сорокалѣтній миръ, или чтобъ послѣ войны унизилась только слабая армія, или роскошной и лѣнивой народъ? Нещастіе для увѣреннаго народа, что кровопролитіе кончено, не осталось ничего дѣлать, и что окровавленное поле было театромъ, исключающимъ славу! Нещастіе для гражданина, который думаетъ, что честь его отечества заставляетъ его сдѣлать злощастное какое нибудь произшествіе, и велитъ терпѣть милiону людей, чтобъ научиться разворять другія десять тысящъ!

Какое жъ ты дашь наименованіе войнѣ? вскричалъ съ бодростію Ѳемистоклъ. . . . . Жестокой и безчеловѣчной походъ, прервалъ Аристидъ. Завоеванія суть не что иное, какъ дѣйствительное разореніе и приведеніе въ бѣдность другихъ; а слава ихъ есть ужасъ. . . . . Сіе-то дѣлаетъ героевъ особливо почтенными. . . .

Я называю героями, сказалъ Аристидъ, тѣхъ, которые сохраняютъ миръ, а не раззоряютъ; тѣхъ, которые поднимаютъ оружіе свое для побѣжденія другихъ по повелѣнію, данному имъ ужасною политикою, а не тѣхъ, которые сіе повелѣніе даютъ для того, чтобъ возвыситься. Гораздо лучше стараться о заведеніи равенства, которое у насъ изгнано, нежели давать повелѣнія, относящіяся къ смертоубійству. Ибо чрезъ сіе Генералъ и солдатъ могутъ быть братьями во время справедливой войны, и познаютъ разбойниковъ во время войны неправильной. Въ одномъ и другомъ случаѣ сія заправка бываетъ ужаснымъ днемъ; понеже въ обоихъ сихъ бываетъ также причиною и смерти. Лучше быть любимымъ, нежели надмѣннымъ. . . . . .

Да будетъ сіе! вскричалъ велегласно Тимонъ; наслаждайся отъ сего происходящею славою. Когда ты обратилъ вниманіе наше къ подошвѣ горы Цитерона; когда ты отвращаешь наши взоры, и когда ты дѣлаешь ихъ невнимательными, чтобъ то оставить въ мірѣ: ты привлекаешь сердце всякаго Аѳинянина, или Грека. Да почувствуетъ Греція вліяніе солнца, которое согрѣ-

согрѣваетъ и освѣщаетъ! Да не почіетъ всякъ въ ней прежде, нежели возлюбитъ послѣдняго изъ Грековъ! Мое отечество было храмомъ истинны, честь и щастіе со славою подкрѣпляли его; не слышно было въ немъ никогда стоновъ, и слезы не проливались. О Аристидъ! я тебя слушаю около тритцати лѣтъ; я старѣе тебя тритцатью годами, но я ихъ щитаю отъ того времени, когда тебя началъ слушать. Для нещастныхъ тамъ были посвящены храмы истинны, но ты не имѣлъ другаго права приближаться къ ихъ жертвенникамъ, кромѣ того, чтобъ имъ служить. Щастливы были бы Аѳины, естьли бы они имѣли въ Сенатѣ своемъ нѣсколько согражданъ, подобныхъ тебѣ! Сенаторы! продолжалъ сей старецъ: всегда здѣсь будетъ важность, когда будетъ въ уваженіи старость: я свидѣтельствуюсь моими лѣтами, чтобъ васъ увѣрить, что вы обязаны Аристиду не меньшимъ почтеніемъ, какъ и богамъ.

Кимонъ! сказалъ Аристидъ: дни наши суть даръ, которой мы получаемъ отъ боговъ; тотъ, который насъ освѣщаетъ, не больше принадлежитъ молодымъ людямъ, какъ и вамъ; и тотъ, который

основалъ небо для бою, никому не подверженъ. Я надѣюсь, что вы сами увидите, что сѣдые ваши волосы придадутъ еще блеску славѣ нашего торжества. Естьли мы заслуживаемъ хотя нѣсколько лавровыхъ вѣнцевъ, то вы ихъ будете носить внутренно.

О рѣдкой человѣкъ! присовокупилъ Кимонъ, думаешь ли ты, что я всегда готовъ тебѣ вѣрить? Могу ли я не знать, что ты состарѣлся безъ путеводителя, и умрешь, не имѣя подобнаго тебѣ? Въ мои лѣта оставляютъ чести, и стараются о пріобрѣтеніи добродѣтелей. Моя вся жизнь состоитъ въ сердцѣ, которое горитъ еще и теперь любовію къ отечеству; моя душа оледѣнѣла уже въ моемъ тѣлѣ, но она еще питаетъ жаръ любви къ оному и къ тѣмъ, которые его поддерживаютъ и дѣлаютъ ему собою честь.

Дѣти мои! продолжалъ сей старецъ, обратясь къ младшимъ Сенаторамъ: я ее съ великою ощущалъ радостію, когда видѣлъ побѣду въ то время, въ которое я ничего больше не желалъ, кромѣ успѣховъ въ сраженіи. Это было знакомъ; будьте въ томъ увѣрены, присягните въ побѣжденіи; Персъ падетъ: онъ знаетъ, что

ваша

ваша вѣрность подкрѣпляетъ клятвенныя ваши обѣщанія. . . . . О Аристидъ! для чего мои сограждане не имѣютъ моего сердца? Я конечно могъ бы увидѣть щастіе Аѳинянъ прежде, нежели бы снизшелъ во гробъ. Для чего въ списокъ тѣхъ, которыми ты повелѣваешь для нашего защищенія, одно только имя мое помѣщено и слезы? Молодые Аѳиняне! вы сильнѣе, не теряйте случая: слава нераздѣльна отъ отвращенія опасностей, касающихся до вольности въ присутствіи двухъ, или трехъ сотъ тысящъ свидѣтелей. Въ противномъ же сему случаѣ вы будете побѣждены, а Персы загладятъ свое преступленіе покореніемъ Греціи, вмѣсто того, чтобъ трепетать Аѳинянъ, находясь во узахъ. Грядите поспѣшно по стопамъ Аристида, и помните притомъ, что естьли боги возъимѣли желаніе умертвить человѣка, то они отнимутъ у него разумъ, и что они требуютъ повиновенія отъ подданнаго для сохраненія въ цвѣтущемъ состояніи общества.

Аѳиняне! сказалъ Аристидъ прерывистымъ голосомъ: вотъ возвышенное мѣсто, на которое должно взойти, чтобъ можно видѣть будущее! Кимонъ началъ читать

Сенатское опредѣленіе и узаконенія. Изъ сихъ узаконеній, и взирая также на благоразуміе тѣхъ, которые управляли, и судя о добромъ ихъ порядкѣ, можно заключить было о ихъ успѣхѣ, возвышеніи, прославленіи и паденіи. Государство, которое во зло употребляетъ свое могущество, можетъ также коснуться и успѣховъ своихъ. Слабость пріобрѣтаетъ всю свою потерянную силу, и ободреніе тѣхъ героевъ, которые были въ прахъ разбиты чрезъ свои злоупотребленія, входитъ въ душу тѣхъ, которые ихъ хранили. Я обманываюсь, или Персія опредѣлена для нещастія. Я думалъ, что она ускоритъ свои перемѣны; понеже она и дышетъ однимъ только сладострастіемъ и роскошью. Пороки ея умножаются чрезъ ея ослабленіе. Друзья мои! это знакъ, которой намъ даетъ небо, чтобъ охранить нашу славу и вольность отъ опасностей, за ними слѣдующихъ; оно никогда не вступается за тѣхъ, которымъ должно сдѣлать вспоможеніе. Первое желаніе, которое оно влагаетъ въ сердце человѣческое, есть стремящееся къ вольности, и должно увѣнчавать послѣдній трудъ, употребленной для ея защищенія. Я думаю, что

намъ

намъ должно соединиться съ Спартою; стараться о ея помощи и привлечь ее на нашу сторону, чтобъ ускорить сей щастливой опытъ. Я пойду туда съ важностію Сенатскою, изъясню опасности и нужды Греціи, и возжгу для защищенія оной тотъ огнь, который вѣчно блистаетъ въ сердцѣ Грековъ, чтобъ сдѣлаться вольными. Сенатъ и народъ одобрили его намѣренія, и онъ отправился въ Лакедемонъ.

ГЛАВА XIII.

Аристидъ посредѣ Спартанскаго Сената обратился къ своему предмету. Спартане! сказалъ онъ Сенаторамъ: мы сдѣлаемъ эпоху или очень безчестную, или столь славную, которой еще и по нынѣ не бывало въ Греціи. Онъ совѣтовалъ оставить примѣръ потомству или вредной, или очень полезной, и доказать ему, что мы довольно уважили родъ человѣческой, взирая на рабство, какъ на безславіе. Вы знаете, Сенаторы Спартанскіе, что Суза, окровавленная своею собственною кровію чрезъ Аѳинянъ, хочетъ исторгнуть отъ насъ скиптръ, и наложивъ на насъ оковы,

предписать намъ законы свои; она не наблюдаетъ своихъ договоровъ противу своей пользы, а Ксерксъ имѣетъ подлую душу самовластія, соединенную съ великою жадностію къ вѣроломному завоеванію. Я не упущу изъяснить вамъ печальное состояніе Аѳинъ и Греціи: онѣ имѣютъ нужду въ защищеніи. Мардоній уже у воротъ Аттики; естьли вы намъ не сдѣлаете вспоможенія въ скорости, вы увидите, что общіе и непримиримые враги наши опустошатъ наши владѣнія и отмстятъ намъ тирански за стыдъ, причиненной имъ на Марѳонѣ и Саламинѣ. Они не хотятъ прямо такимъ образомъ поступить съ Спартою; имъ надлежитъ также прежде пробиться сквозь насъ, чтобъ туда достигнуть. Но естьли они раззорятъ Аѳины, и хотя имъ достанется владѣть только прахомъ оныхъ, то не увѣнчаютъ ли они своихъ злодѣйствъ въ Спартѣ? Они не земель ищутъ, но злата, и стараются больше о пріобрѣтеніи онаго, нежели о возвышеніи своемъ. Предупредите Спартане; хотя вы чрезъ нѣсколько дней не увидите еще сего въ дѣйствіи, однакожъ уже слабой Персъ повелѣваетъ вмѣсто Аѳинянина, и Грекъ покоренъ. Народъ,

живу-

живущій въ уединеніи, и непріятель, углубляющійся въ размышленіе о всякомъ невольникѣ; вы, которые не имѣли никогда учителя, постарайтесь доказать свѣту, что во время нещастныхъ перемѣнъ размышленіе и ободреніе избрали себѣ жилище, оставя всѣ земли, въ Греціи. Разрушимъ преграду, которая отдѣляла душу Аѳинянина съ Спартанцемъ душею невольника Сузы. Ваша добрая слава еще ничего не терпитъ, не повредите ее медлительнымъ подаяніемъ помощи вашимъ братьямъ; пріумножьте ее еще больше сопротивленіемъ тому Государю, который хотѣлъ бы вселенную покорить подъ свой скипетръ; обѣщайтесь сіе сдѣлать отъ одного только презрѣнія къ государству, которое щитаетъ себя просвѣщеннымъ, хотя во всѣхъ своихъ дѣлахъ оказываетъ варварство. Спартане! слава васъ возбуждаетъ и призываетъ на поля. Славнѣйшее торжество для васъ изъ всѣхъ торжествъ, каковыя только вы могли праздновать, будетъ то, естьли вы спасете свое отечество.

Одинъ изъ Эфоровъ именемъ всего Сената отвѣчалъ Аристиду, что Спарта принимаетъ участіе въ ихъ опасностяхъ,

и объявилъ, что она раздѣлитъ пополамъ ихъ безчестіе, или славу.

Аристидъ, видя успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ, былъ очень доволенъ; онъ остался въ той надеждѣ, что Спартане не замедлятъ вооружась присоединиться къ Аѳинамъ. Нѣсколько уже дней прошло въ семъ его ожиданіи, часъ отчасу онъ имѣлъ большую нужду въ ихъ соединеніи, и медленіе ихъ сдѣлалось ему несноснымъ. Аристидъ, чтобъ ускорить ихъ приходъ, отправился въ другой разъ въ Спарту, и пришедъ въ Сенатъ, сказалъ: Спартане! естьли наши обѣщанія суть священныя и по нынѣ нарушаемы не были, то надобно ихъ исполнить со всякою вѣрностію въ точности. Обѣщать помощь и не подать оной, или подать оную въ то время, когда въ ней не имѣютъ почти совсѣмъ нужды, есть ничто иное, какъ насмѣяться и сдѣлаться клятвопреступникомъ и обманщикомъ. Развѣ вы позабыли, что герои всегда готовы и никогда не бываютъ неисправными? Вы имѣете разумъ и сердце, для чего же вы ихъ не производите въ дѣйство? Или вы хотите, чтобы сказали когда нибудь, что Греція раззорена, или пришла въ упадокъ чрезъ не-

нерадѣніе Спарты, и что она была бы непобѣдима, естьли бы Спартане были исправнѣе и храбрѣе? Я знаю, что вамъ никакъ въ этомъ не могутъ воспрепятствовать окровавленныя волны и кучи труповъ, по которымъ вамъ можетъ быть случиться итти, чтобъ спастись; но сіе заставляетъ васъ оставаться здѣсь и не сдѣлать того, что могли бы вы. Спартане! я презираю вашу храбрость, естьли она безполезна, и не щитаю тѣхъ дней въ числѣ лѣтъ жизни, которые не были употреблены въ пользу отечества въ то время, когда оно было въ смятеніи.

Для чего ты жалуешься? сказалъ улыбнувшись одинъ Сенаторъ; пять тысящь нашихъ гражданъ находится въ Аркадіи, и Павзаній ими управляетъ. Я не знаю, отвѣчалъ Аристидъ съ сердцемъ, есть ли мнѣ въ свѣтѣ что досаднѣе вашей медленности, или того расположенія, по которому вы исполняете ваши обѣщанія. О Спарта! да сохранятъ тебя боги отъ сего нещастія, чтобъ ты почитала спасеніе Греціи за ничто, и чтобъ Эфоры посылали пять тысящь гражданъ или для одержанія побѣды, или для смерти изъ одного только удовольствія и для

собственной своей забавы; ибо скоро увидитъ такіе граждане сіѣны твои развалеными! Кровь моя ледѣнѣетъ во мнѣ, когда я подумаю о важности твоихъ законовъ, и вижу ихъ исполненіе. Общая польза насъ теперь возбуждаетъ и соединяетъ; но здѣсь взираютъ съ смѣхомъ на Грецію, съ Персіею сражающуюся. Я стараюсь спасти себя для того, чтобъ не видѣть того зрѣлища, которое не меньше можетъ причинить стыда Греціи, какъ ея паденіе. Сказавъ сіе, онъ отправился на поля.

Тамъ онъ былъ свидѣтелемъ другаго явленія, которое очень мало дѣлало чести самымъ начальникамъ; ибо онъ нашелъ ближнихъ своихъ Спартанцовъ и Ѳебанцовъ въ великомъ безпорядкѣ. Они спорили о преимуществѣ и прославлялись своими великими дѣлами, и понеже на сраженіи бываютъ мѣста иныя не столько опасны, сколько прочія, то они спорили также и о томъ, кому оныя должно занять. Начальники! солдаты, вѣрные сыны отечества! сказалъ онъ имъ: Грекъ тотъ есть, у котораго правая и лѣвая сторона служитъ копьемъ и щитомъ противу непріятеля; вотъ его наружности! Естьли онъ находитъ

ходитъ при сраженіи какъ нибудь выгодныя мѣста, или стороны, то одно отечество ихъ занимаетъ; непріятель не можетъ разбить ни одной изъ нихъ части, не обагрясь кровію, и вездѣ, гдѣ только окажутся полученныя отъ непріятеля раны, то одно воспоминовеніе только имени отечества можетъ ихъ исцѣлить. Продолжайте теперь свой споръ, а я знаю, что малѣйшій знакъ вашего несогласія понудитъ васъ скорѣе бѣжать и оставить сраженіе, нежели принять единодушно оружіе ваше противу непріятеля. Всѣ спорящіе сими словами его приведены были въ стыдъ, и ни о чемъ больше уже не думали, какъ только о сраженіи.

ГЛАВА XIV.

Двѣ непріятельскія арміи были отъ нихъ отдѣлены одною только небольшою рѣкою; проходъ сей маленькой рѣки, которой не могъ препятствовать поравняться имъ съ ними, служилъ Мардонію знакомъ атаки. Во время сего наглаго похода по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ была учреждена одна тайна

какъ

какъ у Персовъ, такъ и у Грековъ. Въ вечеру, когда было сіе сдѣлано, одинъ Кавалеръ явился у поста, умноженнаго Греками, и просилъ, чтобъ его провели въ палатку Аристидову. Онъ объявилъ тамъ, что онъ хочетъ поговорить съ симъ Генераломъ на единѣ о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ; и когда онъ былъ впущенъ къ нему, то сказалъ: Аристидъ! твое имя служитъ теперь ужаснымъ оружіемъ Греціи. Всякой другой человѣкъ, хотя бы онъ былъ владѣтелемъ всего свѣта, не могъ бы меня увѣрить въ томъ, что я о тебѣ самъ знаю. Сія нощь, въ которую я съ тобою говорю, естьли не будетъ для тебя славнѣйщею изъ всѣхъ дней твоей жизни, то по крайней мѣрѣ можетъ много сдѣлать тебѣ чести.

Я Александръ, Александръ, который пришелъ тебя наставить, какимъ ты образомъ долженъ поступать противу предпріятія Мардоніева. Государство не могло меня удержать отъ сего пути, которой можетъ быть корона не оправдаетъ; но могу ли я его симъ обезславить, естьли нужда требуетъ показать свѣту опытъ и примѣръ, что заслуга и честность превосходитъ скипетръ, и что человѣкъ

ловѣкъ можетъ быть великимъ безъ возшествія на престолъ. Однакожъ я требую, чтобъ ты все сіе, теперь мною сказанное, скрылъ и запечатлѣлъ въ твоемъ сердцѣ.

Остановись Государь, отвѣчалъ Аристидъ; естьли твоя тайна касается до пользы Греціи, то я ее не скрою. Благосклонность твоя мнѣ очень лестна, но не столько, какъ благо моего отечества: я безъ сомнѣнія для Александра пожертвую и жизнію, но тогда только, когда она безполезна будетъ для Аѳинъ. И такъ ты властенъ Государь или сказать не обязывая меня молчать, или ничего не говорить; естьли ты обяжешь меня не говорить о семъ и Павзанію, то начальники одного корпуса разными повелѣніями могутъ только причинить для себя еще большій вредъ.

Аристидъ! прервалъ Македонскій Государь: естьли бы я имѣлъ такихъ двухъ человѣковъ, каковъ ты, то я покорилъ бы вселенную. . . . . Нѣтъ, Государь, сказалъ Аристидъ, ты бы могъ сдѣлать лучшее, нежели какъ ты теперь воображаешь: ты бы носилъ вѣнецъ блаженныхъ. Вмѣсто мыслей о завоеваніи ты бы взиралъ съ веселымъ духомъ на всѣхъ тѣхъ, кото-

которыхъ ты теперь не терпишь. Почтеніе Государей, любовь твоихъ подданныхъ и уподобленіе богамъ, были бы твоими лаврами; ибо сіи лавры превосходнѣе тѣхъ, которые собираютъ въ городахъ, обращенныхъ въ пепелъ, и на опустошенныхъ поляхъ: потому что сіи изсыхаютъ и подобны терніямъ, а тѣ неувядаемы.

Этого довольно, сказалъ Александръ, чтобъ мнѣ не раскаяваться о моемъ соединеніи съ Ксерксомъ, и чтобъ не потерять случая себя возвысить, я пришелъ тебѣ пересказать все то, что меня привело къ тому. Мардоній будетъ перебираться на разсвѣтѣ чрезъ рѣку; я уже далъ повелѣніе моимъ воинамъ слѣдовать за нимъ, и наши соединенныя силы должны учинить нечаянное на васъ нападеніе. Мы имѣемъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и не имѣемъ надежды получить ихъ изъ другаго какого нибудь мѣста, кромѣ Аттики и тѣхъ земель, которыя вы населяете. . . . . Аристидъ не желаетъ смерти Александру, придалъ сей полководецъ; но начальникъ Аѳинъ сказалъ союзнику Сузы, что лавры не растутъ въ Греціи для Персовъ и для ихъ

друзей

друзей, такъ равно, какъ и для слабыхъ ланциковъ, и что онъ скорѣе можетъ быть получитъ тотъ лавръ, за которымъ придетъ Македонскій Государь. Крестьянинъ, сражаясь съ Государемъ, будетъ стараться отмстить на сраженіи за свое благоденствіе, которое очень часто притѣсняемо величествомъ въ мирное время. Это то значитъ, что скипетръ не сильнѣе сошника, и что тотъ, который хочетъ и не хочетъ жить, зависитъ отъ власти Божіей; и естьли Греки возмогутъ завтра оказаться при своихъ дѣлахъ, то и сіе, Государь, также зависитъ отъ Него. Милости, оказанныя мнѣ тобою, суть знакомъ ихъ успѣха, за которой при принесеніи небесамъ благодарности, они не позабудутъ, что и Александръ имъ сдѣлалъ при семъ вспоможеніе, чтобъ принять участь въ семъ долгѣ.

Это будетъ должность твоя, чтобъ ты принялъ всевозможныя мѣры, дабы они о семъ не объявляли никому. Я очень хотѣлъ быть твоимъ другомъ; но не твое дѣло приводить меня въ стыдъ за то, что я сдѣлался измѣнникомъ. Чрезъ твои добродѣтели я скорѣе могу позабыть сей мой разговоръ, нежели чрезъ мою прибыль.

Когда

Когда я имѣлъ уговоръ съ Ксерксомъ, то я совѣтовалъ и ему такъ поступать, какъ я, не любя никогда мира. Я объ этомъ разсуждалъ съ того времени, какъ началъ сражаться, и что мало при семъ думалъ, то доказалъ тебѣ сіе тѣмъ, что я теперь нахожусь въ твоемъ лагерѣ. Естьли бы ты не зналъ меня, то можетъ быть ты могъ бы чрезъ сіе навесть опасность; но ты знаешь, что Александръ не умѣетъ страшиться.

Я не хочу, сказалъ Аристидъ, ни терять по пустому времени, которое для насъ очень дорого, ни быть учителемъ Государей при всякомъ обстоятельствѣ; но когда кто хочетъ любить людей, то тотъ никогда не захочетъ упущать случай услуживать имъ. Этотъ случай не изъ послѣднихъ, при которомъ ты, Государь, позволяешь мнѣ поговорить чистосердечно о свойствѣ твоего союза съ Ксерксомъ. Для чего ты не хочешь продолжать войну, когда любишь ея дѣйствіе? Развѣ боги и природа еще оставили спокойствіе на земли для благодарности перваго увѣнчаннаго человѣка, который хотѣлъ его нарушить? спасеніе и спокойствіе государства могутъ ли быть совмѣстны

вмѣстны съ сумозбродствомъ и гордостію человѣка, который есть ничто, естьли не старается о благѣ онаго? Государь на земли есть образъ боговъ, каналъ ихъ благодѣяній и хранитель послѣдней капли крови подданныхъ его: такъ на чтожъ ему умерщвлять тѣхъ, которые и не знаютъ его, и тѣхъ, которые его питаютъ? Такое дѣйствіе изъ всѣхъ произшедшихъ уже на оскверненной земли сей можетъ быть ужаснѣе предъ небомъ. Александръ! нѣтъ ли въ числѣ статуй, поставленныхъ въ честь тѣмъ Македонянамъ, которые подкрѣпляютъ твой тронъ, хотя одной такой, которая бы жаловалась на то, что подрыли подъ нею землю, служившую ей основаніемъ? Естьли паче чаянія есть, то сниди съ своего престола и вели переставить всѣхъ тѣхъ статуй, которыя дѣлаютъ тебѣ честь, на другія мѣста въ присутствіи твоемъ и похитителя оной: ты симъ образомъ отмстишь за общество, которое онъ безчеститъ, и за правду, которую онъ нарушаетъ. Естьли ты горячь, такъ зароняй искры твоего огня въ покрытыхъ соломою хижинахъ, на станахъ, поляхъ и во внутреннихъ частяхъ Македоніи. Преврати свое государство въ жаръ,

пожирающій всѣхъ тѣхъ, которые будутъ покушаться угасить, или уменьшить славу его, и который бы также служилъ въ пользу тѣмъ только, которые будутъ приближаться къ нему для того, чтобъ согрѣться. Вѣнецъ, соплетенный признательностію и любовію изъ лавровъ, собранныхъ на высушенныхъ болотахъ и обработанныхъ поляхъ, есть славнѣе всѣхъ. Государь! ты ищешь славы? Ахъ! ты имѣешь довольно уже храмовъ; они воздвигнуты во всякой избушкѣ твоего государства, и служатъ знакомъ, что въ оныхъ тебя благословятъ: ибо ѳиміамъ, приносимый въ жертву богамъ, не явнымъ ли есть знакомъ благословенія человѣковъ? О Александръ! какой остается дѣлать выборъ между жертвенниками, воздвигнутыми въ сердцахъ многочисленнаго народа? . . . . . Прости мнѣ, Государь, что я тебѣ такъ смѣло совѣтую. Александръ приходомъ своимъ къ Аристиду сдѣлалъ славную эпоху въ моей жизни, для того, чтобъ я всевозможно старался о его благоденствіи.

Я къ тебѣ не пришелъ бы, прервалъ Македонскій Государь: твоя добродѣтель велѣла учинить сіе сердцу моему; она

меня

меня влекла, а я только ей слѣдовалъ, и ты теперь дозналъ, что я служу честію моею. Чтобъ упредить въ намѣреніи того, который тебя ожидаетъ, поступай по тѣмъ совѣтамъ, которые я тебѣ предложилъ; и если сердце Государя, который знаетъ цѣну твоихъ совѣтовъ и присоединяетъ къ удивленію всѣхъ покорность, нещастную можетъ быть, но невозвратную, которая препятствовала прежде слѣдовать имъ, хотя нѣсколько уважаешь и почитаешь: то можешь въ томъ повѣрить мнѣ. АлександрЪ, сказавъ сіе, принялъ обратно свой путь и возвратился въ свой лагерь, а АристидЪ немедленно увѣдомилъ Павзанія о Мардоніевомъ намѣреніи. СовѣтЪ военной былъ собранъ, и опредѣлено было въ немъ защищать только себя; но Персидской полководецъ, узнавъ чрезъ шпіоновъ всѣ тѣ мѣры, которыя Греки предприняли, перемѣнилъ свое намѣреніе объ атакѣ. Но онъ чрезъ сіе не сдѣлалъ ничего лучшаго. Паденіе Мазистиса придало еще больше ободренія и силъ Аѳинянамъ. Павзаній, устрашенный Спартанскимъ Капитаномъ, не осмѣлился больше ни откладывать, ни избѣгать сраженія: онъ вызвалъ и принудилъ

нудилъ непріятеля къ сраженію, и Греки на сихъ поляхъ собрали лавры наилучшіе и обагренные кровію Персовъ, коихъ было болѣе двухъ сотъ тысячъ.

ГЛАВА XV.

Клисѳенъ, съ нетерпѣливостію желающій видѣть Аристида, нашелъ его по прибытіи въ Аѳины на другой день. Какіе ты возвратилъ намъ дни? сказалъ онъ ему, лобызая его; и какое ты возмущеніе усмирилъ? . . . . . Другъ мой! молнія сверкнула на поляхъ, на которыхъ мы сражались, и къ щастію очень немногихъ поразила Грековъ своимъ блескомъ; но я еще очень много нахожу неудовольствій. Мы привезли съ собою многіе лавры; но я былъ бы еще больше доволенъ, естьли бы нашелъ нашихъ женъ и дѣтей, трудящихся подъ тѣнію нашихъ лавровъ на пашняхъ, нежели сидящихъ въ городѣ, и восхищающихся отъ радости, впрочемъ хотя и справедливой, но не меньше и омерзительной чрезъ тѣ средства, которыя онѣ употребляютъ къ изъявленію оной. Изъ числа Аѳинянъ я видѣлъ только двухъ радующихся. Одинъ вѣнцемъ своимъ

имъ украсилъ свой плугъ, а другой возложилъ его на свою телѣгу, обремененную снопами. . . . . Однакожъ можно бы было теперь нѣсколько и успокоиться, сказалъ Клисѳенъ. День, въ которой Аѳиняне сдѣлали для прославленія имени своего столь знатную эпоху, не должно бы было такъ проводить, какъ сей послѣдній провелъ. . . . . Я на сіе согласенъ, отвѣтствовалъ Аристидъ, но у насъ теперь уже мѣсяцъ Бедраміонъ (*), и дни два, проведенные въ праздности, или потерянные по пустому во время жатвы, могутъ причинить великой убытокъ. Мы учредили уже навсегда въ честь и для воспоминанія сея побѣды игры, называемыя играми Свободы. Ничто изъ случившагося при сей побѣдѣ не можетъ чрезъ сіе забвенно быть: жертвы и священныя приношенія для нашихъ смертныхъ согражданъ суть торжествованія. Естьли сердца соотвѣтствуютъ дѣйствіямъ, то уже ничего не остается дѣлать. Однакожъ я не знаю, Клисѳенъ, по какимъ судьбамъ

(*) Бедраміонъ соотвѣтствуетъ нашему мѣсяцу Іюлю.

наши побѣды бываютъ замараны и возмущаемы, да и всѣ почти нашими жрецами и предсказателями. Естьли тебѣ правду сказать, то я думаю, что сіи гадатели подозрительны, и что мы нѣсколько глупы, что имъ во всемъ слѣпо вѣримъ. Но чтобъ еще чего нибудь и другаго не сказать, то я только думаю, что все сіе покрываетъ темнота, соединясь съ обманомъ. Впрочемъ можетъ быть я и обманываюсь, или сей народъ не заслуживаетъ тѣмъ заниматься.

Ты правду говоришь, прервалъ Клисѳенъ; мы имѣемъ очень важныя дѣла, время ихъ еще не ушло; и хотя бы все то было принято, что ты объ нихъ ни сказалъ бы, но когда оно придетъ, то дѣйствительно заслуживаетъ больше твоихъ попеченій, и Сенатъ будетъ готовъ тебя слушать. . . . . Другъ мой! я знаю, что ты хочешь сказать, и ты точно получишь отъ меня отвѣтъ на сіе. Ѳемистоклъ чрезъ злодѣйство хотѣлъ бы сжечь всѣ корабли, находящіеся въ нашемъ флотѣ, и дать преимущество Аѳинамъ, отъ которыхъ зависитъ правленіе всей Греціи. Естьли бы мы были столько подлы и дерзновенны, что осмѣлилися бы нарушить

шить и священныя права страннопріимства, то я самъ пошелъ бы на сіи корабли для разрушенія и разворенія нашихъ стѣнъ. Когда Аѳины чрезъ какое нибудь преступленіе, или вѣроломство получатъ средства и права къ пріобрѣтенію, то я изъявлю одно только желаніе, чтобъ сіе могущество уничтожить. Я не былъ обманутъ, хотя Ѳемистоклъ и не хотѣлъ сообщить своего намѣренія въ полномъ Сенатѣ. Я совсѣмъ думаю не такъ объ моемъ отечествѣ, чтобъ могъ подозрѣвать, что есть въ немъ гражданинъ, способный причинить ему вредъ; и я не усматриваю, чтобъ зачинщикъ сего могъ въ своемъ намѣреніи успѣть. Другъ мой! естьли справедливость позволяетъ намъ возвыситься, то я къ сему имѣю самое простое средство, и которое можетъ быть покажется справедливѣйшимъ предъ глазами всѣхъ другихъ народовъ, которые меньше опорочены, нежели Аѳиняне. Въ то самое время, когда я съ тобою разстался, Капитаны городовъ, называемыхъ Хіо, Самосъ и Лесбосъ, вручали мнѣ власть надъ собою и надъ сими городами, и сверьхъ всего сего упорно меня просили о томъ, чтобъ я принялъ

союзниковъ Спарты, которые хотѣли ее оставить.

И ты не согласился на такое предложеніе, которое бы придало тебѣ больше важности и умножило бы наши силы? спросилъ Клисѳенъ. . . . . Другъ мой! знаешь ли ты то, что я дѣлаю? Я ихъ послалъ учинить нечаянное нападеніе на галеры Павзаніевы. . . . . Ахъ! . . . . . Ну, да не послать ли и сказать ему еще, какъ поступить съ сими вѣроломными измѣнниками? Я думаю, что Павзаній жестоко отразитъ сіе ихъ нападеніе: онъ надмѣнъ, гордъ и свирѣпъ; но Спарта лучше сдѣлаетъ. . . . . Чтожъ она сдѣлаетъ? . . . . . Она презритъ оное, да имѣетъ на это и довольныя причины. Люди, которые нарушаютъ свою присягу, могутъ удобно и безъ раскаянія попрать ихъ договоры; они возвратятся въ Аѳины, и Аѳины можетъ быть присоединятъ ихъ къ себѣ; но я не хочу слышь ни глупымъ, ни вѣроломнымъ. Когда я заключалъ союзъ съ нѣкоторыми народами, я бросалъ раскаленное желѣзо въ море, что было символомъ моей молитвы, которую я возсылалъ къ богамъ. Я ихъ просилъ, чтобъ они истребили и угасили такъ славу нашихъ

войскъ,

войскъ, какъ сіе желѣзо, естьли когда они нарушатъ свои обѣщанія. Религія также бываетъ ненарушима послѣ нарушенія договоровъ, какъ свобода прежде оныхъ. Какъ можно положиться на договоры сихъ людей, естьли они нарушили сдѣланныя уже ими? Я не знаю больше сего ничего. Прежде сего люди собирались въ общество, а теперь тѣ же самыя общества продаются, предаются и покоряются власти; и когда бываютъ проданы, преданы и покорены, то ни покупщики, ни завоеватели не наблюдаютъ никакихъ договоровъ въ ихъ пріобрѣтеніяхъ. Они, однажды сдѣлавшись начальниками, лишаютъ навсегда другихъ права въ предпріятіи согласія, то есть: естьли предписанія послѣ нѣкотораго времени бываютъ уничтожаемы, то опять предписываютъ ихъ насильно, и другіе отъ страха принуждены бываютъ ихъ принять. Вездѣ я вижу съ одной стороны продерзость, а съ другой подлость, грабежъ и звѣрской обычай; но порабощенная мысль и притупленной разумъ Сенаторовъ и Государей, которые подъ именемъ свободы угнѣтаютъ также и народовъ, которые бываютъ принуждены носить ихъ оковы, не чувствуютъ

ихъ больше. Сіи связываютъ понятіе, а другіе даютъ клятву; одинъ человѣкъ даетъ знакъ, и тысящи себя возвышаютъ для того, чтобъ зависѣть отъ своей воли; всѣ почти народы живутъ не столько для государства, сколько для Сената, или одного Государя. Надобно имѣть совсѣмъ другое понятіе о свободѣ, чтобъ умѣть повелѣвать и повиноваться.

Не исторію ли знать всѣхъ временъ? сказалъ Клисоенъ... Нѣтъ, отвѣтствовалъ Аристидъ: прежде умѣли управлять и повиноваться. Правленія, которыя знали и уважали свободу, повелѣвали шествовать своимъ подданнымъ на равномъ съ ними разстояніи союза и свободы. Два города, или двѣ земли, которыя соединялись между собою, были равно увѣрены, что соединеніе ихъ послужитъ имъ твердымъ основаніемъ щастія и выгодъ. Естьлижъ одна изъ сихъ партій дерзнетъ нарушать данные договоры, то другая щитаетъ сіе ихъ вѣроломство знакомъ того, что они должны предохранить то благо, которое хотятъ употреблять во зло. Нарушенное условіе, уничтоженной договоръ и обиженная партія, останется навсегда довольно еще честною; ибо она сохранила че-

честность. Когда Финикіяне дали Греціи Инаха (*) и ихъ боговъ, подумаешь ли ты, что Греки еще больше распространили ихъ и небеса, и основали престолъ безъ уговора? Доказательство, для чего они сіе сдѣлали, можно видѣть изъ того, что послѣдователи сего увѣнчаннаго Финикіянина были изгнаны, чтобъ немного ихъ было, и что сіи боги были уничтожены въ то самое время, когда отцы наши щитали ихъ всемогущими. Они были человѣками, и находили лучшія средства, чтобъ не тиранствовать и воздыхать. Когда Государь и Сенатъ себя забывали, то подданный только воздыхалъ и призывалъ на помощь законы, чрезъ что они приходили опять въ себя, и все по прежнему происходило съ желаннымъ успѣхомъ. Естьли бы они исполняли еще сіи первыя должности свои, то они не допустили бы и Павзанія столь грубо поступать съ городами, называемыми Хіо, Самосъ и Лесбосъ; ибо они могли бы также призвать себѣ на помощь свои права прежде нарушенія оныхъ; Ѳемистоклъ также не однократно

(*) Инахъ былъ первый Греческій Государь.

кратно краснѣлъ бы, прежде нежели получилъ начальство.

Сдѣлаться принужденно справедливымъ? Ты очень строго взыскиваешь, сказалъ Клисѳенъ. Естьли надлежало бы быть столько совѣстнымъ при наблюденіи договоровъ, то всѣ народы были бы разсѣянны, чтобъ пребыть вѣрными въ своемъ союзѣ. . . . . Другъ мой! прервалъ Аристидъ, одно къ тому средство взыскивается, чтобъ сдѣлаться справедливымъ, а не десять. Данные договоры должны быть священными, и однимъ только образомъ можно ихъ исполнить. Естьли народныя права самая природа приписываетъ, то какъ можно ихъ нарушить? . . . . . Такъ развѣ государства должны имѣть права, основывающіяся на самой природѣ? спросилъ Клисѳенъ. . . . . Безъ сомнѣнія такъ; ибо общая воля живущихъ въ немъ, будучи ничто иное, какъ согласное опредѣленіе соединенныхъ гражданъ, возбуждаетъ повиновеніе въ нихъ къ законамъ и обязываетъ ихъ уважать всегда оные.

И такъ договоръ есть правило, которое установляютъ совокупляющіяся государства? . . . . . Конечно такъ, другъ мой,

мой, отвѣтствовалъ Аристидъ; тотъ, который покаряется, уступая право, ему принадлежащее, и вручая его другому, можетъ при семъ врученіи дѣлать такіе договоры, какіе только ему угодны; а тотъ, который оное получаетъ, обязанъ сохранять ненарушимо и свято оные. Естьли бы сильнѣйшій началъ надъ другимъ брать преимущество, или присвоивать себѣ тѣ права, которыми въ договорахъ, заключенныхъ между ими, совсѣмъ ему и не позволено пользоваться: то другой долженъ сіе щитать за нарушеніе данныхъ условій, и взявъ предосторожность, предпринимать всѣ средства, относящіяся къ защищенію безопасности; иначежъ слабое государство могло бы много получать вреда отъ своего союза, который оно учинило единственно для своихъ выгодъ. Естьлижъ обязательства связываютъ его еще и тогда, когда партія его нарушаетъ уже сіи союзы, или употребляетъ ихъ уже во зло: то договоръ бываетъ для него гибелью. . . . . Я знаю уже сіе, Клисѳенъ, хотя сіи основанія и не извѣстны были для всѣхъ, потому что изъ сего не произошла война. И для того-то я совѣтую всѣмъ народамъ, которые заключаютъ

чаютъ союзъ, дѣлать договоры съ разсмотреніемъ, и которые бы ясно могли показывать, которая сторона во зло употребляетъ права, которыми она и не должна пользоваться по ихъ договорамъ.

Но какъ можно противиться силѣ? сказалъ Клисѳенъ. . . . . Чтожъ дѣлать, другъ мой, прервалъ Аристидъ, когда сіе только одно средство мы имѣемъ? Когда правленіе учреждаетъ уставы отъ своего могущества и основываетъ законы на своей волѣ, то сего нещастія не надобно уже больше умножать ни безразсудностію, ни подлостію. . . . . Я то знаю, придалъ Клисѳенъ; но то меня приводитъ въ удивленіе, что бываетъ столь великое число ослѣпленныхъ, а притомъ и глубокое молчаніе. . . . . Развѣ ты не знаешь, каковъ народъ? сказалъ Аристидъ. Его удобно можно подъ предлогомъ любви къ отечеству взбунтовать, и подъ видомъ ревности къ богамъ довесть до святотатства.

Припомни, Клисѳенъ, произшедшее со мною въ то время, когда меня хотѣли послать въ другой разъ въ Арахонтъ. Я сдѣлалъ вскорѣ добро, но всѣ вознегодовали, и я былъ обвиненъ. Когдажъ я закрылъ

крылъ глаза свои, чтобъ не видѣть такихъ явныхъ глупостей, то я былъ одобряемъ. И народъ, который осудилъ было прежде меня къ наказанію за исправное отправленіе моей должности, послѣ сего хотѣлъ меня наградить за то, что я позволялъ ему дурачиться. Вотъ, другъ мой, каковъ народъ! такъ не льзя ли его удобно и обмануть?

Я видѣлъ сему подобное произшествіе, когда хотѣли взять злато изъ Делейскаго храма для надобностей, случившихся при тогдашней войнѣ, которая была больше выгодная, нежели справедливая. . . . . Другъ мой! это обыкновенное. Мы не одни имѣли собранное сокровище въ ономъ, и не одни были орудіями боговъ. Мы имѣли большую въ немъ нужду; но къ щастію нашему мы не имѣли онаго высокой пробы. Въ Самосѣ его предлагали намъ: ибо великія имѣли на сіе причины; но договоръ, сдѣланной между Греками, былъ совершенъ одними нашими словами: надлежитъ ли потерять честь по причинѣ недостатка въ золотѣ?

Когда Аристидъ и Клисѳенъ разговаривали объ семъ между собою, то нѣкоторый житель Алпеса, подошедши къ нимъ,

нимъ, прервалъ ихъ разговоръ. Аристидъ! сказалъ онъ, подошедши къ нему: мы родились въ одномъ городѣ съ тобою, и я клянусь предъ Богомъ всякой день, пася стадо мое подъ тѣми же прекрасными деревьями, подъ которыя вы очень часто приходите совѣтоваться о пріумноженіи щастія Греціи, подражать твоему великодушію и справедливости. Но та же самая справедливость приводитъ меня въ стыдъ за злочестіе Калліево, и преодолѣваетъ мою бодрость: я не могу сего не выговорить. Я знаю, что ты на Марѳонѣ презрѣлъ его; но онъ вмѣсто того, чтобъ загладить свое смертоубійство силою добродѣтели, дѣлаетъ его еще ужаснѣйшимъ чрезъ умноженіе своихъ злочестій. Онъ закрываетъ золотомъ глаза и уста тѣхъ, которые могли бы, а сверьхъ сего и долженствовали бы удержать его отъ сего. Мы имѣемъ ссылку для тѣхъ, которые превозносятся своимъ богатствомъ: такъ для чего же не имѣемъ для тѣхъ, которые восходятъ на высокую чести степень чрезъ свои сокровища, ухищренія и злодѣянія? . . . . . Молодой человѣкъ! отвѣчалъ Аристидъ: это очень не великаго стоитъ Аѳинамъ, чтобъ въ нихъ были

добро-

добродѣтельные люди. Естьлижъ богатство придавало бы имъ величество и славу, то въ Аѳинахъ не было бы никого, кромѣ бѣдныхъ. Благодари боговъ за то, что въ нихъ не боятся богачей. Нещастіе было бы для насъ, ежели бы необходимость уже требовала учредить изгнаніе для ихъ могущества! Лучше бы было его почитать, нежели бояться. . . . . Но когда съ щастіемъ угнѣтаютъ, сказалъ молодой человѣкъ, и соединяются для составленія злаго общества? . . . . . Для удержанія сего законъ будетъ нуженъ. Лучше ли было сдѣланное зло предупредить, или не давать уже распространяться ему? . . . . . Это служитъ въ пользу также моего требованія и прошенія, сказалъ молодой человѣкъ; я намѣренъ просить тебя, чтобъ ты былъ всего народа орудіемъ, а въ томъ числѣ и моимъ противу Каллія. Ты будешь въ Сенатѣ, ты услышишь тамъ справедливость нашихъ жалобъ, а можетъ быть увидишь также въ судебной палатѣ и рѣшеніе сего дѣла. Молодой человѣкъ! сказалъ ему Аристидъ съ жаромъ: естьли бы я заслуживалъ того, чтобъ ты меня симъ обезпокоилъ, то ты долженъ бы въ Се-

нать обвинить меня прежде, нежели донесъ на Каллія. Знаешь ли ты, каковъ долженъ быть судья? Судья долженъ быть столько же безпристрастенъ, сколько и боги. И такъ скажи мнѣ, щитаешь ли ты меня таковымъ? . . . . . Естьли бы я не былъ увѣренъ, что ты справедливъ, прервалъ молодой человѣкъ, то я не пришелъ бы тебѣ жаловаться на тѣхъ, которые несправедливы; я знаю, что сіе прошеніе есть напоминовеніе человѣку о исполненіи его должности. Я пришелъ просить тебя только о томъ, чтобъ ты поговорилъ съ тѣми Сенаторами, которыхъ Каллій ослѣпилъ и сдѣлалъ такъ сказать безъязычными. Онъ твой родственникъ; но онъ отчужденъ уже отъ тебя за свои злодѣянія; онъ не долженъ, да и не можетъ быть въ числѣ твоихъ родственниковъ за свое злочестіе. Проговоривъ сіе Алопскій житель, замолчалъ.

Сей молодой человѣкъ, сказалъ Аристидъ Клисѳену, столь много почитаетъ судей, что думаетъ о себѣ, что и прошеніемъ уже своимъ можетъ унизить ихъ достоинство. Могутъ ли сіи не показать ему того, что они могутъ быть таковыми?

ми? Что можно думать о Сенатѣ, когда въ ономъ выкупаютъ себя отъ жестокаго наказанія, котораго никто не могъ бы никогда избѣжать за свои злодѣянія, естьли бы наблюдаема была въ немъ правда? Это очень рѣдко бываетъ, чтобъ въ ономъ великое преступленіе было наказано. Что̀жъ могло бы произойти еще отъ того, естьли бы въ ономъ преступленіе было еще оправдаемо и ободряемо? О Клисѳенъ! сказалъ Аристидъ, какое удовольствіе восходить по степенямъ во святилище, когда изъ онаго можно съ открытыми глазами и ушами возвращаться не краснѣя!

ГЛАВА XVI.

Дѣло Каллія было предложено; но Сенатъ, наблюдая справедливость, не хотѣлъ онаго судить, не выслушавши Калліеваго отвѣта; и потому приказалъ явиться ему. Однакожъ мнѣнія о дѣлѣ его пересказаны уже ему прежде, нежели онъ явился въ оной. Приказъ ему отданъ, и онъ явился въ назначенное время. Кимонъ по должности своей началъ его спра-

шивать, и сообщилъ ему всѣ прошенія, въ которыхъ на него жаловались; и придавъ нѣчто также и о его имѣніи, неправильно имъ нажитомъ, сказалъ ему: Ты имѣешь великія богатства, и большія, нежели позволено тебѣ имѣть; онѣ принадлежали богамъ, но ты ихъ себѣ присвоилъ, и употребляешь во зло, не смотря на то, что онѣ были пріобрѣтены другими съ великимъ трудомъ. И такъ ты долженъ теперь отдать въ сихъ дѣлахъ своихъ отчетъ предъ Сенатомъ. Послѣ смертоубійства, которымъ ты себя обезславилъ на Марѳонѣ, ты всѣми презрѣнъ и никто уже тебя за то не почитаетъ, что ты польстился на золото, которое было тебѣ дано; ибо ты чрезъ сіе лишилъ вдовицъ и сиротъ дневнаго пропитанія. Всѣ сіи твои гнусныя дѣла были твоею жертвою, и ты, къ крайнему сожалѣнію будучи извергомъ, такъ сказать, человѣковъ на земли сей, кажется, что жилъ только для произведенія оныхъ, или для презрѣнія тѣхъ, коихъ ты и презрѣнія не заслуживаешь. Нравы твои, природа и священство твое, служатъ тебѣ великимъ стыдомъ. Никто не можетъ не дрожать отъ ужаса, услышавши о имени

твоемъ, изключая одного только нечувствительнаго, или ослѣпленнаго тобою. Ты ожесточаешь твоихъ родственниковъ: Аристидъ не богатъ, и ты никогда изъ собранныхъ тобою богатствъ ему ничего не удѣлилъ. Онъ Сенаторъ, его возвратили и насильно вручили ему его достоинство; его имя знаменито и извѣстно по добродѣтели, и всегда было славно въ Аѳинахъ; а ты, который заслуживаешь всѣхъ презрѣніе! ты, который будучи загаженъ мерзскими дѣлами, и котораго имя извѣстно стало больше чрезъ злодѣянія! называешься его роднымъ? О служитель боговъ! одинъ только злой духъ можетъ живо изобразить всѣ твои мерзскіе поступки.

Здѣсь Аристидъ прервалъ рѣчь Кимона. Сенаторъ! сказалъ онъ ему, не умножай его пороковъ: Каллій довольно уже и такъ обезславленъ; онъ въ этомъ невиноватъ; онъ мнѣ подавалъ помощь, и будучи чувствителенъ, стыдился этого.

Но дѣти твои въ то время не имѣли можетъ быть пропитанія, сказалъ Кимонъ. Тѣ, которые не захотѣли соединить

нить ихъ брачнымъ союзомъ по причинѣ ихъ бѣдности, не могли причинить имъ чрезъ то великаго убытка, отвѣчалъ Аристидъ; когда они ихъ не почитали въ дѣвическомъ состояніи, то въ женскомъ они бы ихъ презрѣли. Каковъ тотъ долженъ быть родитель, который желалъ бы обогатить своихъ дѣтей золотомъ, пріобрѣтеннымъ съ пролитіемъ крови человѣческой, или похищеннымъ изъ какого нибудь святилища? Что касается до меня, то я хочу оставить имъ въ наслѣдство то, что могло бы ихъ учинить полезными обществу и любезными богамъ. И такъ да не вымышляетъ и не приписываетъ Сенатъ Каллію того порока, котораго онъ не имѣлъ. Сенаторы! прибавилъ онъ, почитаете ли вы довольно малымъ того, который подалъ голосъ по большой части противъ его невинности, дабы дать знать, что онъ не хотѣлъ одолженнымъ быть въ своемъ существованіи виновному человѣку?

Надобно быть справедливыми, а не варварами; не надобно наказывать человѣка дважды за одно преступленіе. Онъ былъ мнѣ родственникомъ; но когда сдѣлалъ

лалъ на Мараѳонѣ злодѣяніе, то я тамъ же его предъ лицемъ всѣхъ Аѳинянъ и Персовъ презрѣлъ. Новые упреки были бы несправедливы, естьли бы люди, судящіе о чести, присудили отнять честь у того гражданина, который ее не имѣетъ; а сверьхъ того онъ не можетъ ее ни у кого и купить; ибо нѣтъ еще толико подлыхъ людей, которые бы продавали свою честь; а добродѣтель хотя и даетъ оную, однакожъ не злонравнымъ.

Онъ Дадухъ, отвѣчалъ Сенаторъ; хотя онъ и презрѣнъ нами, однако въ немъ почитаютъ Министра. . . . . Да кто въ томъ сомнѣвается, что его министерство знаменито и почтенно? Руки, обагренныя кровію невинныхъ и воздѣваемыя предъ жертвенникомъ, не могутъ осквернить жертвоприношеній, и когда боги ихъ еще щадятъ и не поражаютъ своимъ гнѣвомъ, то слѣдовательно не наше дѣло исторгнуть его изъ храма. Я все сіе знаю. Но я не знаю, можетъ ли быть презрительнымъ въ обществѣ обезславленный тотъ человѣкъ, котораго жертвоприношенія освящаютъ.

Всякой порочной человѣкъ можетъ въ ономъ быть, сказалъ Сенаторъ. . . . . Конечно такъ, отвѣтствовалъ; ибо самое естество огня, возжигаемаго на жертвенникѣ и пожирающаго жертвы, приносимыя имъ за души наши, можетъ ихъ иногда возвысить, а иногда и уничтожить. Словомъ сказать, Каллій сдѣлался убійцею; свѣтильникъ его угасъ, и онъ теперь остается преступникомъ.

Надлежитъ ли его приводить въ отчаяніе? предалъ Сенаторъ. . . . . Нѣтъ, отвѣтствовалъ Аристидъ; его надобно ободрить и вдохнуть въ него раскаяніе и почтеніе къ добродѣтели, и не подавать ему никакихъ видовъ, касающихся до золота. Ибо естьли вы его заставите неотступно сидѣть надъ деньгами, то это будетъ ничто иное, какъ вкоренять въ него большую еще къ нимъ страсть, и позволить ему пользоваться ими. Но естьли вы его презрите за его преступленіе, то чрезъ сіе самое вы дадите ему возчувствовать, что онъ долженъ всѣ свои богатства принесть во святилище въ пользу бѣдныхъ, или тѣхъ вдовицъ и сиротъ, которыя чрезъ сіе преступленіе

его

его лишались дневнаго пропитанія. Естьли бы вмѣсто того, чтобъ сообразоваться съ дымомъ, курящимся въ его кадильницѣ, онъ носилъ свою свѣщу для освѣщенія добродѣтельныхъ дѣйствій; естьли бы онъ ходилъ безъ сандаліевъ для того, чтобъ симъ самимъ доставить обувь тѣмъ, которые ее не имѣли; и естьли бы наконецъ уменьшалъ онъ свои нужды чрезъ справедливое употребленіе золота: то не было бы ни одного такого честнаго человѣка, который бы не возъимѣлъ объ немъ сожалѣнія. Упадшій человѣкъ, который сохраняетъ великость души при своемъ паденіи, еще долженъ больше быть подкрѣпляемъ; ибо раскаяніе его на тотъ разъ бываетъ для него кипящимъ и распущеннымъ свинцомъ, которой естьли бываетъ вліянъ въ человѣка, то проходитъ чрезъ всѣ внутренніи части тѣла къ сердцу и оставляетъ по себѣ ужасные слѣды.

Сенаторы! наблюдайте справедливость при обвиненіи и при защищеніи. Естьли Каллій начинаетъ раскаяваться, то начните и вы по мѣрѣ его раскаянія предавать забвенію его преступленіе. Вы сами знаете свою должность, а я знаю мою; но

помните, что тѣ судьи, которые обвинили его за то, что я бѣденъ, большими еще учинились преступниками, нежели онъ: вопервыхъ потому, что онъ старался облегчить мои нужды; а вовторыхъ потому, что я не жаловался за то на него. Природа, на которой основываются законы и страсти человѣческія, представила ему раздѣленіе его богатствъ: это щастіе, и оно ничего не можетъ меня лишить.

Сіе сказавъ Аристидъ, оставилъ Сенатъ, и возвратясь въ домъ, сказалъ дѣтямъ своимъ: Я возвратился изъ Сената, въ которомъ осудили Каллія и за нашу бѣдность. Любезныя дѣти! есть ли изъ васъ хотя одинъ такой, которому бы она причинила печаль? Огорчаетъ ли она васъ? Вашъ отецъ состарѣлся подъ законами чести, и не оставилъ ли вамъ въ наслѣдство славныхъ наставленій, которыхъ цѣну вы сами узнали во время нещастія? Скажите, дѣти мои, внимайте словамъ отца вашего, по крайней мѣрѣ какъ друга, васъ вопрошающаго. Естьли опредѣленіе человѣковъ, возвышеніе душъ и употребленіе богатствъ, которыя теперь больше

во

во зло употребляютъ, суть слабыя доказательства тому, что вы должны предпочесть наставленія мои богатствамъ: то обвиняйте вашего отца; упрекайте его своими трудами, работами и умѣренностію, которую вы наблюдаете въ вашей жизни; ложась на убогихъ вашихъ постеляхъ, вмѣняйте ему и то въ порокъ, что онъ во всю жизнь свою старался не о своихъ выгодахъ, но объ общемъ благѣ и непорочности сердца своего; скажите также наконецъ и то, что онъ вмѣсто того, чтобъ быть орудіемъ благотворенія Божескаго, оставилъ васъ въ нѣдрахъ печалей и бѣдности. Но естьли, какъ я и уповаю, сіи доказательства зараждаютъ пламень въ вашихъ сердцахъ, и придаютъ блескъ ихъ добродѣтели; и естьли вы наконецъ вѣрите, что прежде надобно быть гражданиномъ, нежели отцемъ, и что прежде надобно учиниться добронравнымъ, нежели богатымъ: то почитайте сами себя за вашу бѣдность, и поставляйте честность выше всего. Любезныя дѣти! взирайте на истинну сихъ моихъ словъ при нынѣшнемъ особливо случаѣ. Каллій, обезславивъ самъ себя чрезъ свои мерзскіе пороки, хочетъ оправдаться въ своихъ

прести-

преступленіяхъ, принимая на себя притворной видъ добродѣтелей, которыхъ онъ не имѣетъ.

Слезы, почтеніе и любовь видны были въ глазахъ дѣтей его чрезъ все то время, въ которое Аристидъ говорилъ; онѣ служили имъ довольнымъ для него отвѣтомъ, изключая того, что дочь его, бросясь къ нему въ объятія, и изъясняя прерывистымъ голосомъ щастіе и доволство, сказала ему: Дражайшій родитель! мы имѣемъ объяшія и великодушіе, превосходящее силы наши; мы благодаримъ боговъ, что Каллій со времени дѣтей твоихъ старался о твоемъ пропитаніи.

Довольно и этого, любезныя дѣти! придалъ Аристидъ: вашъ отецъ разсуждалъ, и онъ знаетъ, что благородной человѣкъ прежде подумаетъ, нежели что обѣщаетъ, и обѣщанное имъ всегда исполняетъ. Всякая капля крови Аристидовой испортилася бы въ жилахъ его дѣтей, естьли бы они обѣщаній своихъ не исполняли. О сколь сіи минуты лестны для моего сердца! Родитель довольно уже бываетъ награжденъ за труды, употребленные

ные къ содѣланію дѣтей своихъ человѣками, когда онъ видитъ, что они разумны.

Естьли сіе есть въ самой сущности, сказалъ Лизимахъ, что ты чувствуешь, что мы столь щастливы, то одобряй за сіе самъ себя, дражайшій нашъ родитель; ибо мы симъ нашимъ щастіемъ одолжены твоимъ попеченіямъ и твоей премудрости. . . . . Любезныя дѣти! вскричалъ Аристидъ, тѣмъ больше еще я долженъ себя ободрять, что сія премудрость основана на любви къ богамъ, съ которою цѣлой вѣкъ жизни кажется не болѣе одного года, въ то время, когда ее не имѣютъ. Я дознался сей щастливой опытъ: я люблю боговъ, люблю отечество и любилъ всѣхъ людей въ моей жизни, и мнѣ кажется теперь глубокая моя старость цвѣтущими еще жизни лѣтами. Въ теченіе шестьдесятъ пятаго уже года моей жизни мнится мнѣ, что я еще вижу мою колыбель. Это еще не все, любезныя мои дѣти; небо начинаетъ уже меня награждать: въ мои лѣта многіе изъ смертныхъ преданы уже земному праху, а я еще нахожусь въ живыхъ. Большая часть

оныхъ, а особливо изъ богачей, скучали своею собственною жизнію и проводили оную съ печалію и вздохами; а я бѣднякъ съ радостію благословлялъ всякой день моей жизни, и послѣдній изъ сихъ дней предвозвѣщаетъ мнѣ, что сія радость не истребится во мнѣ. Престарѣлый всегда радуется, когда усматриваетъ, что онъ провелъ дни своей жизни съ пользою.

Любезныя дѣти! сколь утѣшительно быть подпорою слабымъ, а прибѣжищемъ угнѣтаемымъ неправдою и безпомощнымъ! Сколь утѣшительно также для подданнаго, когда ему не случилось никогда судимымъ быть за свои дѣла! Это бываетъ тогда, когда чувствуютъ, что религія есть наука человѣковъ и свѣтило добродѣтелей, основаніе упованія и сильнѣйшая ихъ пружина. Не забывайте никогда, любезныя дѣти мои, что сія пружина есть столько же всеобщая, какъ и честь, и что она не меньше дѣйствительна. Для чего же не она одна управляетъ всѣми человѣками! Они бы покоились въ тишинѣ подъ тѣнію законовъ, и состарѣлися бы благополучно подъ ними; а свѣтъ ихъ освѣщалъ бы ихъ добродѣтели.

Вотъ

Вотъ какимъ образомъ дожилъ Аристидъ до глубокой старости! Онъ былъ, находясь въ службѣ, примѣрной полководецъ. Когда же получилъ увольненіе отъ службы, то домъ его былъ святилищемъ, въ которомъ Сенаторы приходили учиться всему тому, что должны они оказывать человѣкамъ, себѣ подобнымъ, судьи законоискусству, а граждане всему тому, чѣмъ они обязаны своему отечеству.

Великій сей мужъ, живущій въ убогой хижинѣ, доказалъ собою, что золото уступаетъ заслугамъ, и бѣдность, соединенная съ добродѣтелію, предпочитается богатству и позлащенному трону.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

1858
II · 1464

ГПБ Русский фонд

18.261.6.44.